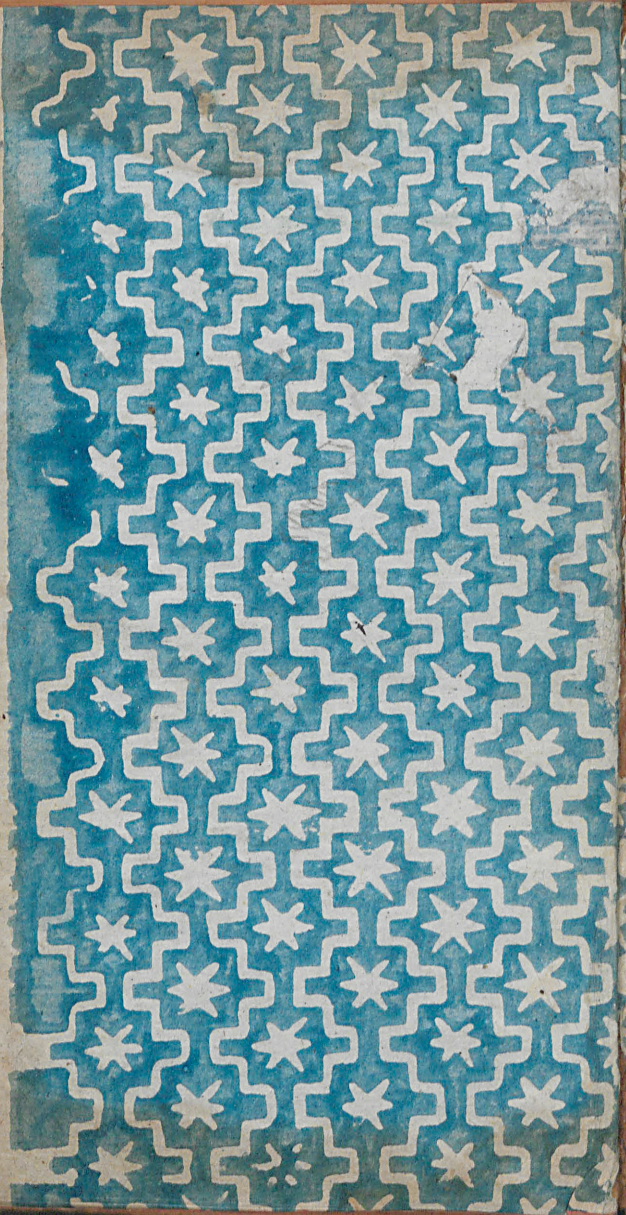

48

79M

AK

Т. 1924

145.

ИЗБИЕНІЕ
МЛАДЕНЦЕВЪ,

ПОЕМА

ВЪ

ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

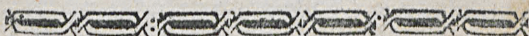
КАВАЛЕРА

МАРИНО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛІАНСКАГО.

Изъ книгъ Фредерики Фихелес

Печашано въ Типографіи Импера-
торскаго Московскаго Универси-
итета 1779 года.

2-й т.

Солнцевъ № 57.

5355.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторъ, я читавъ Поему Избіеніе Младенцовъ въ чешырехъ пѣсняхъ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.

АНТОНЪ БАРСОВЪ В

ИЗБИЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ
ВЪ ВИОЛЪЕМЪ,
ПОЕМА.

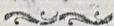
СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫЯ ПѢСНИ.

Зловидный Царь тартара, предвидя предстоящее ему злоключеніе, печалится и терзается. Фурія, оставя жилище вѣчныхъ ночи, плываеѣ въ Иродопо сердце ядѣ подозрѣнія. Онѣ мысля, что скоро достоинство Царское и пласть свою потеряеѣтъ, собираеѣтъ спохѣвъ пельможѣ для соѣѣтованія, какиѣмъ образомѣ извѣѣгнуть нещастія.

ПѢСНЬ I.

Въ саѣмомѣ сердцѣ міра, въ бездонныхъ пропастьяхъ мрачныхъ и ужасныхъ пещерѣ, лежиѣтъ древле опнадшій злый духѣ. Изѣ множества змій и аспидовѣ сплещенная вервь, которую ни какаѣ сила разшоргнуѣтъ не можешѣ, угрызая его, и вкругѣ вѣяеѣ, спѣснѣяеѣтъ крѣпко. Сими узами опягошилѣ его великій Воинѣ, сразившій во Едемѣ.

Сего владыки спѣваній и страшныхъ воплей, и суди мученій изъ неугасимаго огня созданъ престолъ и риза изопкана, риза преждѣ великолѣпная и свѣшная, а нынѣ мракомъ и пламенемъ покрывая. На главѣ его вѣнецъ седмью зубцами возвышенный, единый только знакъ его славы. Сія діадема украшена вокругъ зелеными Тидрами и страшными Церасами.

Въ очахъ его, гдѣ вѣчная скорбь, ужасъ и смерть обитають, сияетъ батроваго пламени мушный блескъ; искошенныя оныхъ взгляды и страхъ вседлающій зракъ, подобны странствующимъ въ нощи кометамъ. Влѣдныя челоусти его извергають мглу и смрадъ. Гордъ, смущенъ, опчаянъ; дышетъ молнією и громомъ спонаетъ.

Зрѣніе его смертоносно и кровожаждуще, дыханіе его, производящее куреніе и огонь, возжигаетъ древо, которое не стареемо горитъ, и ничего не сожигаетъ. Въ зѣвѣ его насажденные рядами зубы, аки серны наполненные ржавою пѣнью; опъ претепя сражаяся между собою звучатъ, и страшный скрежатъ производящъ. Хвостъ его, извиваясь въ пламени, звучитъ, ударяя по

по членамъ его железнымъ и покрытымъ чешуями.

Сему адскому пиранну предстоятъ при грозныя дѣвы, копорыя, изъ колкаго тернiя и ядовитыхъ змѣй держа сплешенныя лѣзы, терзаютъ и мучатъ его. Не власы, но свиспашіе черныя змѣи покрываютъ главу оныхъ, и извиваяся ѡсѣняютъ ихъ ланишы. Скипетръ сего царя есть железный жезлъ. Взирающимъ на него примѣшшь удобно, что онъ, гнушаяся своимъ царствіемъ, ненавистенъ самъ себѣ.

Нещасный! кто тебя лишилъ прежняго твоего сіанiя, превосходящаго и Ангельское? Гордостію надменъ, хищникъ дерзновенный чуждаго владычества дерзнулъ противу прона Всевышняго, щеславяся собственною красою. Нынѣ пораженъ его всеильною десницею, превращенъ и сверженъ въ темный Флегетонъ. О самолюбивый Нарцисъ! о дерзновенный Фаетонъ!

Сіе паршара чудовище, завистникъ счастья рода человѣческаго, изъ мглнстыхъ пропастей вздымаетъ ужасное око, и пронзалъ смертную густую шѣнь, на живошворящій воздухъ просвираетъ страшный взоръ сквозь разщелину ка-

менныя горы, куда мерцающій входилъ до ада свѣтъ. Зрѣніе его оспановилося на брегахъ, гдѣ Іорданъ подобныя кристаллу струи проливаетъ. Тамъ къ горести своей видитъ усмотреніе чудесъ, копорыя возобновляютъ въ его пламенной груди ужасъ, подозрѣніе, скорбь и яросль.

Вспомнилъ онъ тогда оныя ужасныя распри вину, источникъ спрашнаго боя на превыспренности небесной, что славными Сивиллами предсказано, о чемъ предвидящіе Пророки предрекли, и что въ писаніяхъ множествомъ чудесъ предъобъявлено. Онъ видитъ все, и пренеща, пршедшее съ настоящимъ въ мысляхъ сопрягаетъ.

Видитъ онъ Бога въ Галилею посланнаго небеснаго Благовѣстника къ Опр ковидъ, предъ копорюю онъ, какъ предъ нѣкимъ Божествомъ уклоняся, вручаетъ ей лилію небесныя и вѣчныя весны. Онъ видитъ древнія Евреянки оюнѣвшее чрево, уже давно безплодно бывшее, въ копоромъ священный вочадился, и въ честь чудеснаго воплощенія въ утробѣ играя, обожалъ божественный плодъ.

Видитъ съ хребтовъ Амданша вѣчные снѣги, пекущіе сребреною росою и

Нек-

Нектара полными рѣками , пустыни Ливійскія и вершины горъ Скиѣскихъ оаѣты зеленью во едино мгновеніе ока. Видишь сосны , дубы и всѣ дерева и-спочающія сомы , и вѣпры сѣющіе Манну , и само Енгадово перніе посреди зимы цвѣтущее ; не воды вѣ испочни-кахъ и потокахъ ліющіяся , но балсамъ и млеко.

Видишь блаженныя и свящія нощи спокойную шѣнь , и мрачную завѣсу оныя проникнушу и раздраину восклицаніемъ небеснымъ , разсѣяну и освѣщенну сіяніемъ лучезарныхъ Ангеловъ. По лѣсамъ , полямъ и по лугамъ жасели и паснухи , обѣяшыя воспоргомъ радости , спремятся къ низшедшему Мессіи , неся хоня не пышныя , но чистыя дары Господу своему.

Еще видишь на раннемъ воспокѣ вѣ сіяющихъ небесахъ горящія при свѣплыя солнца. Храмъ враждебныя богини , ненавидящія мира , со всѣми кумирами поверженъ падеть ; рушеніемъ онаго земля колебляся трепещетъ ; любители грѣха и беззаконія погибають.

И наконецъ видишь странную , чудесную и прекрасную звѣзду , блистающую особливымъ лучемъ и съ молніе-

виднымъ блескомъ по своду лазуревому пекущую прямо къ Внелѣму, какъ свѣтлую посланницу и лучезарную предвѣстницу Всевышняго. Съ поспѣшностію направляющъ шудаже путь изъ восточныя спраны при увѣнчанные мудрецы.

Видѣніемъ сихъ новыхъ чудесъ, и не ожидаемыхъ себѣ бѣдствій смущающа; страхъ объемлещъ его чувства. Прежнія его кровавыя раны сердца открываются, копорыя ему, и самой смерти сушь смертоносны. Трясещъ оковами, и подобныя двумъ огромнаго корабля надушымъ парусамъ, черныя крылія распроспиралъ; но пягоспныя узы давящія его, изъ вѣчныя темницы не выускають.

Изъ содѣвающихся чудесъ заключа, каково естъ опредѣленіе всемогущія десницы, онъ зракъ свой опъ яда бледный и опъ ярости багровопламенный обраща, страшными когтями темное чело покрывъ, заревѣль, и адово дно потряслося. Онъ въ бѣшенствѣ грызещъ свой зміный хвостъ, віющійся по проспранству шарпара.

Но и съ самомъ семъ полъ жестокомъ терзаніи злобою ушѣшался шюю мыслію, что, можещъ быть, сіе не
испинна

испінна; и чшобы въ ономъ удословѣ-
ришься, разгибаешъ предвѣчную книгу,
и полкуешъ темный смѣслъ писанія
древняго; онъ могъ и не могъ поспи-
тать, какимъ содѣланіемъ чудеснымъ
сей, ошъ грѣховъ свободный и порокамъ
неприкосновенный сынъ, изъ упробы
опроковицы родится.

Великому шайнству, сокрытому и
ошъ премудрѣйшихъ, не можешъ вѣ-
ришь; како родившая пребудешъ дѣвою,
и како испінный Богъ будешъ испін-
нымъ человѣкомъ. Сшранно и не воз-
можно кажешся ему, чшобъ духъ во-
человѣчился, и источникъ жизни облек-
ся плотію смершнаго.

Чшобы превьшающій разумъ и зрѣ-
ніе человѣческое свѣтъ, сошедши на зе-
млю, ошкрылся пастырямъ; чшобы все-
могущее и безконечное Божество вмѣспи-
лося въ шоль шѣсныя предѣлы; и пи-
талсябы млекошъ шотъ, который нек-
шаръ и небесную пищу вкушашъ; и въ
ясляхъ бы лежалъ сѣдящій на шронѣ, и
имѣющій небо подножіемъ.

Чшобъ Солнце всѣхъ солнцевъ по-
крылобы себя шѣлесною завѣсою; чшоб-
бы дредвѣчное Слово Божіе прешвори-
лося во гласъ младенчеспва; и чшобы

творящій огонь трепещалъ отъ хлада ; чтобы радость Ангеловъ шолоко горестей ощутила , и величествобы небесное рабшвовало ; чтобы неизмѣримость спѣснилася ; чтобы покрылася слава бесчестіемъ , и чтобы вѣчность покорилася времени .

А что всего болѣе , чтобы Агнецъ сей смиренный спрадалъ , и по содѣланному Авраамомъ обѣшу острый ножъ шерзалъ его , повинующагося мученію ; чтобы избавитель , неприкосновенный грѣхамъ , повесъ позорное знаменіе преступниковъ . Сіе все соображая , сомнѣиёмъ онъ смущается , и уловляетъ себя сѣтнію недоумѣренія .

Въ сіе время , какъ онъ новыя умыслы устроитъ , мракъ его гнуснаго и коварнаго сердца покрываетъ чело его ; въ злодѣйскихъ очахъ внутреннее его прискорбіе и горестъ начерпаваются ; а изъ оныхъ по всему шаршару проливаются . Воображая предстоящее смятеніе , растерзанъ испускаетъ отчаянное сшенаніе .

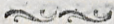
Увы ! реветъ , увы ! колікое стеченіе необычайныхъ чудесъ вижу ? Что будетъ ? и что произойдетъ ? шеперь приходитъ мнѣ на мысль къ пущему моему

моему перзанію глаголы Ангелъ небесныхъ. О! еспьлибы я возмогъ всю природу преобращишь, и печеніе всѣхъ звѣздъ смушишь! погдабы не совершился грозящія мнѣ напасти.

Лишившій меня моего престола, что мнѣ злѣйшаго еще приключишь возвозможешь? или не могъ онъ мщенія своего удовлетворить, заключивъ меня въ страшныхъ и мрачныхъ предѣлахъ адовой темницы, гдѣ я, вѣчный мучитель погибшихъ смертныхъ, могъ свободно карать и перзать спѣнящія племена человѣковъ; и гдѣ я самъ, лишенный горестныхъ надежды умереть, не могу ожидать окончанія моего лютой участи.

Хотѣлъ онъ низкое и плѣсное швореніе вознестъ превъше своего прежняго достойнѣйшаго созданія, глину и прахъ земный поставишь главою небесныхъ силъ; сего я не перпя, напрягшись мѣщами направилъ свой полетъ, куда никто еще изъ Ангеловъ не достигалъ; и хощя съ величества моего я сверженъ; но славное предпріятіе и гремящее покушеніе мое оспалися мнѣ профеемъ.

Не насыщенъ моимъ паденіемъ, еще хочешь нынѣ опустошить мое царствіе,

и къ умноженію мояя скорби и ярости
пріемлешъ плоть , и побѣдителейъ , сла-
вою и лаврами одѣянъ , сюда нисходишъ ,
и мыслишъ , разя меня своимъ оружіемъ
ѣб моихъ спраданіяхъ , лишишъ меня покоя.

О ! злѣйшая часть моя ! Увы ! Я
прежде былъ изящнѣйшее твореніе ,
князь лучезарныхъ Ангеловъ , неба упрен-
няго первая звѣзда , чистѣйшій свѣтъ
крилатыхъ ликовъ , и онымъ , какъ о-
громная свѣща , слабыми свѣщами окру-
женная , помрачалъ сіяніе нищихъ
духовъ.

Увы ! на что лишенному надежды
миѣ мысленно возлещашъ къ первому
моему соспоянію , когда горесное во-
споминаніе прошедшаго блага наспоющее
зло лишь только усугубляешъ ? Время
противуспашъ судьбинѣ , и противу
силы врага ополчншся . Коль шаршарѣ
возспенешъ , и небо не возрадуется ! и
еслии сила слаба , коваршво поможетъ !

Но что ! какія силы могу спра-
шнться ? Или съ прежнимъ моимъ сія-
ніемъ исчезло мое ешество ? Пускай ,
земля и небо вооружашся ; спнхн и
звѣзды всѣ во ужасъ приведу ! Я
тошъ же , что и былъ ; что будетъ , то
и будетъ : когда Творца не успрушу ,
всѣ

вся тварь отъ меня вострепещетъ. Пускай самъ Богъ вооружится! Что можешь учинить? Я прежнюю съ нимъ брань воздвигну; не можши сражаться на небесахъ, сражуся съ нимъ на земли.

Подъявъ змій главь своихъ, избъирачныхъ гнѣздъ при свирѣпныя сестры восклицаютъ, хваля намѣреніе его, и просирая къ нему горящія свѣщи и скорпій, спикса и ахеронша воюшъ: мы здѣсь и быстрыя и послушныя исполнители воли швоя; швоя воля есть повелѣть, а наша совершить.

На кругахъ небесныхъ, во время преславнаго дѣйствія, ты то уже испышалъ, что можешь Алексо и ея сообщницы. Не устыжайся, зря себя и вѣрныхъ швоихъ въ подземномъ царствіи покрытыхъ вѣчнымъ мракомъ и желѣзновиднымъ покровомъ; не буди меньше гордъ; на превыспреннихъ ты былъ рабомъ гремящаго Монарха; а адъсь владычествуешь и землею и безконечными пропаснями.

Когда не возмогутъ коварство, жесть, ярость, гнѣвъ, любовь, сила правъ и заклинаній, которыхъ дѣйствіе часто къ пролитію крови тѣловѣковъ приводитъ; то ты скажи
лишь

лишь слово: и быстрѣе молніи тѣни изъ пропащей ада, звѣзды изъ мѣснѣ своихъ испоргнушя; море заревѣвъ попишѣ мирѣ; исчезнетъ вселенная, и ниже на верхѣ преобратишя.

Горделивый Царь имѣ ошвѣтспуешѣ: сполны моего царствія, престоло моего подпоры, основаніе моя надежды! На звѣздисныхъ високахъ я видѣлъ ясно и мужество ваше и усердную мнѣ вашу хитроспѣ; могли и нынѣ, на васъ надѣся, просить помощи ошѣ единя изъ васъ? Фурія жестокости мнѣ можетъ услужитъ, и испребитъ мракъ моего подозрѣнія и страха.

Сія была свирѣпѣйшая изъ нихъ, имѣ премѣ четвертая достойнѣшая сеспра. Ошѣ времени до времени она лѣпая по шаршару, съ ужасною алчбою губитъ и перзатъ, въ сокровенинѣшихъ пропастьяхъ всегда наполненнаго спѣнаніемъ и воплемъ плачевнаго и печальнаго міра возобновляешѣ безсмертнѣй пламень, въ копоромъ кипяшѣ чернѣя души.

Завыли проекратно пущыя шаршара пещеры, и прижды заревѣло все мрачное царство. Во пропастьяхъ глухихъ Спикса камни, колебляся, гремя, и берега онаго содрогалися; гласа, спѣнанія

нанія и воплей никакихъ не внимающее ухо сей фуріи, услышало оной звукъ; она раскрывъ кровавыя очи опѣспранѣ дымящагося сѣрою кокиша, шуму шаршара свисномѣ змій своихъ опѣвѣчаетѣ.

Обищалища ея ни ужаснѣе, ни мрачнѣе нѣтъ во всемѣ адѣ. Тамѣ врата содѣланы изѣ швердаго адаманта и изѣ кремнистаго камня; и, сколькобѣ ни спонали и ни рыдали, всегда гласу жалобы входѣ шуда запертѣ. Полѣ вѣ чертогахѣ желѣзный, а стѣны непроницаемы изѣ крѣпкаго порфира; она упѣшается, влача раздавленные главы и члены изрубленные человѣковѣ.

На прагѣ вратѣ ея сѣднѣ опмщеніе; вѣ убійственной его рукѣ сверкаетѣ обнаженный и окровавленный мечъ. Вокругѣ видны гнѣвъ, ярость, опустошающая свѣтъ война, грабежѣ и гибель плавающихѣ вѣ крови смертныхѣ. Приближающееся кѣ нимѣ бѣшенство уже изѣ дали ругаясь и злослова, скрежещенѣ зубами. Среди сея ужаснѣйшїя шолпы неумолимая смершь возноситѣ все пожинающую косу.

Во храминахѣ ея стѣны обвѣшены ужасными орудїями, копорыя люди вымыслили на погубленіе и испребленіе самыхѣ

самихъ себя; цѣпи, оковы, кинжалы, стрѣлы, мечи, копья, сѣкиры, обогрѣнныя кровію и унизанныя членами убитыхъ братьевъ и умерщвленныхъ ошцевъ, на мѣсто драгоценныхъ ковровъ, украшають оныя.

У пагубныя и лютыя ея прапезы предсвоишь гладъ и жадныя Тарпи, которыя вкупѣ съ безчеловѣчнымъ эрикснономъ спараются уполять жаръ ея алчности; Прогна, Таншадъ безбожный, Ликаонъ и спирѣный Аспрей угошвляютъ ей пищу; а что бы съ пищею и пишіе согласовалось, спрашная Медуза изъ черепа змѣинныя главы подаетъ ей кровь смѣшенную съ желчію.

Спрашныя Эвмениды ей предходятъ, и неугасимымъ огнемъ возжєнныя адскіе свѣщильники неся, пупь ей освѣщаютъ; Скилла, Цирка, Медея, Лезавель послѣдуютъ за нею; не умолимыя парки шкупъ ея одбѣяніе изъ печальныхъ нитей пресѣченныхъ дней человѣческихъ.

Сей домъ ужаса окруженъ дикимъ и дремучимъ лѣсомъ; ядовитыя листвія онаго раждають шѣнь наполненную плѣномъ; травы и цвѣты смердя дышатъ смертною заразою; вздохн шамъ

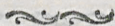
шамъ воздухъ; а слезы испочники; на мѣсто обыкновенныхъ звѣрей, пасулся шамъ сподами Миношавры, Сѣниксы, Циклопы, Драконы, Тигры, Церасы, Гіены, Гидры и Химеры.

Тамъ діомидовы кони, Фереовы пси, Ферадаманшовы Львы, Бузиридовъ кровію смертныхъ омытый олшарь, темница Силлина, одръ Прокрустовъ, и площію человеческого пишajúщіяся дикіе Леспригоны, Скироновъ окровавленный камень и Скинова мучительная сосна.

Все, что перзашельнаго ни избрѣли меценць, Окусъ, Ецелинь, Фаларин и самъ жестокосердый Неронъ, все шамъ было сопряжено. Аккабовъ мечъ, Навуходоносоровъ пламень и Фараоновъ ножъ шамже были. Таково еспъ жилище сея злѣйшія четвертыя фурин, изъ котораго подвигнуша грознымъ воплемъ адскаго царя она изшорглася.

Лишь только повелипель шрепета и ужаса ей мысль свою онкрылъ, какъ быстрая молнія парипъ она изъ подземныхъ мѣстъ; сіяніе пресвѣпныхъ небесъ покрылося мершвою блѣдносною, пищцы проспирающія крылія по чистому воздуху, какъ пятосію свинца поспитнушы, посреди своего полеша падаюшь на землю мершвы.

Лишь

Лишь только сіе чудовище опрыгнуль адъ, потчасъ окрестъ его и зелень и цвѣты, какъ ядовишою росою окроплены, увядають; и листвіе, какъ мразомъ поражены, съ изсохшихъ дозъ низпадаютъ; видъ сѣя фуріи ошановилъбы звѣзды, возмушилъ бы стихіи и связь вселенныя разпоргъ; когда бы зміи, вмѣсто власовъ на ея главѣ, не закрывали ея страшнаго образа.

Уже изъ тѣнистыхъ и тихихъ пещеръ пріятный солунникъ ночи сонъ изшелъ на землю, опъемля свѣтъ опъ слабыхъ очей упомленныхъ смертныхъ, иѣжнѣйшею рукою орошалъ ихъ чело водами почерпнушими въ рѣкъ забвенія, и прелестное и сладкое спокойствіе, рассыпая по членамъ, упоевалъ онымъ ихъ душу и чувства.

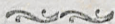
Въ сіе шо время злѣйшая Еринида, вознесшися на черныхъ криліяхъ изъ ада, въ едино мгновеніе ока перелетѣла въ Виолѣемъ, гдѣ властвуешъ ширанъ, который въ шо время безъ попеченія въ обѣяніяхъ сна покоился, подобно какъ въ Оины для успроенія кровавья себѣ трапезы, она и сего царя въ чертоги вкралася.

Царствіемъ кропкаго Давида правилъ

вилъ тогда Иродъ, подданный Августовъ, котораго преклонность въка главу уже сѣдинами покрывала; хотя не законный Государь, но умѣлъ пресполъ свой страхомъ утвердить. Уже давно Иудово поколѣніе власъ свою потеряло, и тогда тяжкимъ нгомъ рабства удрученное, оплакивало сіяніе своея прежнія славы.

Чудовище, пробѣгши наисокровеннѣйшіе чертоги, входитъ шуда, гдѣ на мягкихъ пухахъ распростертый Царь вкушаетъ сладкій сонъ. Фурія въ томъ спрашномъ видѣ, въ какомъ оспавила шаршаръ, ему не хочетъ предснать, и для того покрывшись мракомъ и мглою, пріемлетъ образъ блѣдной шѣни.

Она въ мгнѣ сложила съ себя видѣ Фуріи, и пріавъ лице смертнаго, преобразилася во образъ Іосифовъ. Воздушная плоть ея спала во всемъ подобна его шѣлу. Приближая къ онагощенному сномъ Царю, своею хладною рукою жметъ сердце, и пришворнымъ гласомъ прерывал его дремоту, не со всемъ еще пробужденному вѣщаетъ тако:

Ты спишь , о безумный ! И какъ кормщикъ на бурномъ морѣ , объятъ густымъ шуманомъ , безъ попеченія пlying , кормило изъ рукъ опускаетъ : подобно ты , забывая все , и не рача ни о чемъ , духъ мужественный въ праздность , а чувства въ погибельный покой потружаешь ; не мыслишь и не знаешь о предстоящей тебѣ грозной судьбинѣ .

Ты вѣдаешь , что опѣ изсохшаго корня Израилеваго поколѣнія плодъ не ожидаемый произошелъ ; что чудесный Младенецъ между скоповъ во ясляхъ родился ; неблагодарный , себя ненавидящій народъ , обрадованъ симъ новымъ порожденіемъ , къ нему всѣмъ сердцемъ склоняется , и съ восклицаніемъ , благословляя его , имянуешь шзоимъ преемникомъ и своимъ Господомъ .

Какія ужасныя предпріятія къ возмущенію своему противъ себя народъ уже успроилъ ! и какою злобою онъ дышетъ ! Огнь въ сердцѣ у него , а мечъ уже въ рукахъ ; и ядъ тебѣ угошворяя , единодушно всѣ Евреи погубили твоей алкающею , а никто изъ нихъ измѣны ни отвратишь , ни открышь не хочешь ;

воспань , и оподчась , карай ихъ злобу ; отрини дремошу , и владѣй.

Чинобъ скипетръ утвердишь въ твоихъ рукахъ , я ни крови своея , ни жизни не щадя , погибнулъ . Иль щещино за тебя я пролилъ кровь свою ? Когда ты противу брата твоего и противу самихъ чадъ твоихъ изшоргнулъ мечъ , тогда вина ярости своея не столько была велика ; а нынѣ въ сей крайности , когда шолкое бѣдствіе угрожаешь , недвижимъ въ нѣдрахъ покоя , еще ни какого намѣренія не положилъ .

Воспань , что медлишь ? Безуміели или страхъ тебя удерживаетъ ? Ободрись , и дремлющія очи проспри ! Увиди мечъ висящій надъ твоею главою ! Проснись и воспрянувъ , пылай люшѣйшимъ и Царей доспойнымъ гнѣвомъ ! пріими оружіе и щипъ ; а я , шѣнь брата твоего , повсюду слѣдуя тебѣ , огнемъ и яростию дыша , не видимо съ тобою всечасно буду .

Рекла ; и взявъ обвившуюся во кругъ ея руки ядовитую змію Амфизибену , упишанную пѣною Цербера , со свистомъ

впустила въ его сердце, которая по
всѣмъ его жиламъ сибѣдающій огонь по-
дозрѣній пролила. Свершивъ сіе Фурія
ошлестѣла, и скрылася въ наиглубочай-
шихъ и сокровеннѣйшихъ пропастяхъ ада.

Облипшій хладнымъ попомъ, во-
стрепетавъ Иродъ, прервалъ свой тяж-
кій сонъ, и одръ оставилъ, который,
хотя великолѣпіемъ и богатствомъ былъ
одѣянъ, но кажется ему туснымъ
и ужаснымъ; нѣжныя пухи омаго ка-
жущая усыпаны колючимъ перномъ, и
ложе спрашнымъ полемъ брани; все
сновидѣніе пламенными черпами было
изображено въ его памяти; наполнивъ
ужасомъ грознымъ и дряжащимъ голо-
сомъ вопіешъ: къ оружію войны!

Какъ въ сильномъ жару пустая
мѣдь рдѣя, налишную въ ней влагу вер-
пя, кипѣшь принуждаетъ, которая клу-
бится журчишь, влокочетъ; въ спорѣ
съ огнемъ волнуясь изпечь чрезъ край
сосуда ищетъ, и наконецъ проливается
на разжигающій ее пламень.

Таковъ яроспенъ и смущенъ былъ
Царь, познавъ, что въ царствіи его ему
новый

новый совмѣстникъ рождается. Душа его оцѣ ужаса хладѣетъ, и пылаетъ оцѣ гнѣва. Червь гнѣва и мщенія безпрестанно его сердце угрызаетъ; потибшаго покоя уже ни гдѣ оцѣ не обрѣтаетъ; и пишина ночи, когда все покоится, его смущеніе усугубляетъ, и спокойствіе несноснымъ дѣлаетъ.

Уже давно писаніемъ многихъ Пророковъ сіе сомнѣніе въ его сердцѣ было внушено; но какъ услышалъ оцѣ, что издалека волхвы оцѣ чуждыхъ странъ во области его съ дарами припекли; тогда ужасъ и злоба стали ецѣдать его кровожаждущее сердце; а снотидѣніе предсавленное адскимъ навожденіемъ, умноживъ его подозрѣніе, оцѣбяло все душевное спокойствіе.

Едва на востокѣ зардѣлася заря; уже Иродъ повелѣваетъ знатнѣйшихъ вельможей къ совѣщу созывать; усердныхъ и быстрыхъ гонцевъ полны разсѣявшись повсюду, начальниковъ, спаршинъ и вождей приглашая, повелѣніе его оцѣвляющъ.

О Иродъ! чего ты ужасаешься?
По что воспламененная волнуется кровь

швоа? Хопя Царь Царей во образѣ
человѣка явился; но не владѣшь, а слу-
жишь на землю онѣ низшець. Не для
опѣянїа земаго швоого царствїа, но
для обогащенїа тебя своимѣ. О щеще-
ный и безумный спрахѣ! Киво все воз-
можетѣ дать, шопѣ чуждаго ни чего
не опѣемлетѣ.

Не для обладанїа, не для завоева-
нїа мїра лежащїй во яслѣхѣ нѣжный
Младенець вѣ себѣ небо на землю пре-
клоняетѣ. Пелены его суть щипѣ, вои-
ны его суть овцы, хижина его ограда,
младенческїй вопль военная шруба, а
конь его просшой осель.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫА ПѢСНИ.

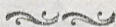
СОДЕРЖАНІЕ ВТОРЫЯ ПѢСНИ.

Царь въ собрании своемъ открываетъ сомнѣніемъ и страхомъ колеблющую душу Урией, имѣя добродѣтельное сердце, старается укротить жестокость его тиба; но Бурукъ, полагающій спюю утѣху въ пролитіи крови, окращаетъ его на путь жестокости. Юсифъ, предвидя по снѣ наступающее себѣ вѣдствіе, предприимлетъ изъ туденъ въ Египетъ спастись вѣдствомъ.

ПѢСНЬ II.

Уже во златую солицеву колесницу крилатые упреніе часы быстрыхъ и пламенемъ дышащихъ коней впрягли. Багрянныя враша ему опверзалися; звѣзды предъ его лучами изчезали; предшествующая ему порфировидная заря, прогоняя мраки и сны, кропила еѣ небесъ на землю жемчужную росу и бросала прекрасныя розы на воздухъ.

Собравшіеся вельможи были вооруженными воинами введены въ пространный и великолѣпный чертогъ; пышныя онаго стѣны были украшены драгоцѣнными,

ными, въ Вавилонѣ изопканными коврами, на коихъ живо изображалася мучительная кончина несчастливой и прекрасной Маріамны.

Вельможи, не ища разсматривать оныя украшенія, возсѣли на позлащенныхъ сѣдалищахъ во кругъ престола Царева по старшинству ихъ достоинствъ, рода и лѣтъ, Фарисеи, Книжники и Раввины, иные ближе, иные далѣ.

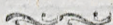
Тотчасъ послѣ сего на чудно успроенный драгоценный тронъ воздвигнутый миролюбивымъ сыномъ Давидовымъ, восходитъ дерзновенными спонами горделивый и ошъ ярости бѣснующійся тиранъ, и сѣдитъ возвышенъ посреди предсѣдающихъ ему. Мѣсто сѣдалища его, наподобіе сердца вырѣзано изъ сердолика.

Покровъ на ономъ блестящій златомъ далеко по полу проспирается, и служитъ ему подножіемъ. Накрывъ царскаго престола, униженный драгоценными каменьями, сіяя сражается съ лучами солнца. Шестъ степеней, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости, возводятъ и низводятъ Царя на тронъ. На каждомъ по два, изъ чистаго злата изваянные Льва, стоя на краяхъ, спретушъ приступъ къ оному. Онъ

Онъ сѣлъ, и прижды бросивъ на собранную толпу, плавающіе въ крови очи; по къ небесамъ подѣмлетъ взоры, по опускаетъ въ низъ. На грозномъ образѣ его видно было спраданіе, и въ ярости болѣзнь его сердца. Заплакалъ бы онъ, но гибвѣ оспановлялъ токи слезъ, подобно какъ сильный вѣтръ ви- сящіе дожди оспанавливаетъ.

Онъ ярости безмолвенъ, трясетъ скипетромъ, и топая ногами, кажется его ненавидѣть. Снявъ съ главы Діадиму споняя, на нее взираетъ, и въ поскѣ бѣлые власы своей браны терзаетъ. Наконецъ въ ужасномъ гласѣ сквозь дрожація уста ярыя волны горести и спрашнаго его гибва проли- вающа въ сихъ словахъ.

Вельможи! какой ужасъ смущаетъ мое спокойствіе, и разрушаетъ сонъ мой во время тишины ночныя? Какія спрашилища, какіе ужасные виды мнѣ мечтаются! Коликія волненія горестей обуреваютъ душу мою. Увы! Никогда смертные не могутъ быть щасливѣе, и владычество престола никогда не можетъ быть безопасно. Враждебная судьба нынѣ Ироду и въ самомъ его царствіи бѣдствіемъ угрожаетъ!

Мнѣ кажешся, что уже хищникъ моего престола, за поoliko лѣтъ предрѣченный, нынѣ въ Вислѣмѣ между младенцами Иудейскими родился; уже чуждые народы, и сами Цари изъ восточныхъ спранѣ богатые дары ему приносящѣ, и иными пушьями скрываяся въ свои зѣмли возвращаются.

Клянуса вамъ симъ скипетромъ и сею Царскою главою, что шѣнь брата моего Иосифа, не знаю, въ явѣ ль по, или во снѣ, блѣдна, печальна и безобразна мнѣ явилася. Его гласъ пронзая мой слухъ, его образъ мечшаяся мнѣ, меня во ужасъ привелъ. Коликое бѣдствіе! Какую напастъ онъ мнѣ предвѣщая угрожалъ!

Гордостъ Аравіи и Египта умѣлъ я усмирить; умѣлъ коварнаго Афеніона и Арбеллы полные убійцами низложить; Анпигона со всѣмъ его войскомъ истребилъ; умертвилъ Накора и Папуса, преодолѣлъ море Родійское и опшпилъ върломному Тиркану.

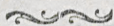
А нынѣ народъ безоружный, котораго я, какъ ошець люблю, не знаемо какого Младенца воспитываетъ, и еще при жизни моей имянуешъ его своимъ Владыкою и Господомъ; а я сплю,

а я безъ дѣйствія пребываю, и щадя изъ жалости недостойной народъ, держащій противъ моего вѣнца, самъ противъ себя жестокъ пребываю.

Уже окрестъ сихъ стѣнъ я слышу лютый вопль младенцевъ; Но что? Не младенческій то крикъ, но шумъ военный, заговоръ, возмущеніе, угрозы смертныя, звукъ оружія, гласы воинскихъ трубъ, и на кровь оными, кажется, взволнованный народъ, смущая мое спокойствіе, на жизнь мою посягаетъ.

Но ярости сей, и симъ восклицаніямъ смертельнымъ конецъ положу. Изъ крови гражданъ содѣлавъ пространное море, на швердомъ якорѣ строгости утвержду корабль моего владычества! Пускай съ виновнымъ и не виновные погибнутъ! Праведно ль или не праведно будетъ убіеніе, что нужды до того? Лишь толькобъ кровію и мечемъ на главѣ моей корона утвердилася!

Я знаю, что виновникъ моего паденія еще въ пеленахъ, и млекою матери своей питается; что опрасль сія нѣжная лишь только распускается; но я съкирою строгости не допущу сіе спрашное древо произвести плоды. Я
вижу

вижу обманъ , меня въ тайнѣ оскорбляющей и дерзавшей противъ меня ; но я все по своимъ опмщеніемъ предупреди!

Доколѣ спокойныхъ и радостныхъ часовъ имѣшь не буду , доколѣ кровавыя рѣки не обогрѣшь моя порфиры ! Доколѣ спасеніе мое не проглянешъ сквозь множество ранъ , сквозь множество прелестныхъ мнѣ очей кровь испочающихъ ! Мнѣ должно ужасъ свой въ крови преступниковъ попомнить .

Подѣйше мнѣ совѣтъ , собранные здѣсь мои вѣрнѣйшіе други ! Въ сей общей крайности могу ли я презрѣть по справедливости опасность : видя приближающийся пламень не отвращаешь его , и допустишь возгорѣться всему моему царствію ? И не должно ль всѣхъ младенцевъ погубить для избавленія себя отъ единого .

Сказавъ сіе замолкъ , и пошчасъ между предсѣдщими поднялся глухой и смущенный шумъ , подобно какой производилъ между каменье въ заключенное море , когда его Борей волнуешь ; или когда рой сотами обремененныхъ пчелъ , насыщенныхъ благоуханными соками весеннихъ цвѣтовъ , съ луговъ возвращаяся
съ

съ радостнымъ журчаніемъ, сладкую добычу приносилъ въ улей.

Въ собраніи ономъ былъ единъ изъ Левашовъ, по имени Урицей, мужъ многими спранствованіями и писаніемъ просвѣщенный; а тогда за премудрость и знаніе свое на верховную степень чешей возведенный; старость сѣдою и густою бородою окружала и уста его и лампы.

Глаголь его наполнилъ сладостию меда; языкъ, аки бришва изощренна; гладкое чело было зеркало его доброты; въ очахъ его сіяло добронравіе, пріятная строгость добродѣтели покрывала его спокойное лице; восхищительнымъ взоромъ умѣлъ онъ услаждать рѣчь свою; когда онъ открывалъ уста, и злато и млеко сладостный гласъ его проливалъ рѣками.

Сѣшваніе, государь, вѣщаешь онъ, въ сихъ обстоятельствахъ есть опасно; когда оно съ швоею волею не согласно будетъ: я себя подвигну на гнѣвъ прошивъ себя. Сіе мнѣ ужасно; но еще ужаснѣе, когда содѣянію шоликихъ злодѣйствъ непрошивошпану. Я буду врагъ должности, опечешву, Богу, измѣшникъ моему Государю, измѣшникъ самъ себѣ. И

И для того мнѣнія моего предѣ-
побойю не сокрою; не ушаю, о Госу-
дарь! того, что я въ юныхъ моихъ лѣ-
пахъ испышалъ. Скажу, что скоро-
постижность и упрямство намѣреній
всегда нещасливымъ окончаніемъ увѣн-
чаваюся. Чшо бы наконецъ не сожалѣть,
не должно ничего во гнѣвѣ предприни-
мать; и въ мудромъ челоѣкѣ то по-
рокомъ почитается, когда онъ преждѣ
не рассудя, послѣ раскаявается.

Похвальнѣе будешь, когда крошкою
десницею благоразумія, сіе скорошечное
движеніе гнѣва убуздаешь, и наложишь
броды на воспоргъ ярости, какъ на
быспраго коня. Хотя Царей иго зако-
новъ не должно обременять; но дающій
законы, долженъ по законамъ жить,
и предѣ скипетромъ его уклоняющему-
ся народу подавашъ похвальныя при-
мѣры.

Чшо въ томъ, когда Государь
державѣ своей народы и царства по-
коряетъ, но своимъ спраснямъ и не
достойнымъ желаніямъ какъ низкій
рабъ служитъ? Пламень любви и жаръ
гнѣва хотя и вредны; но не сполько
Царей унижаютъ, колико жестокость
алчущая крови подданныхъ. Она предѣ
Царемъ

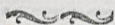
Царемъ небеснымъ есть нестерпимое пресупленіе.

Когда яросшь оныя достойна наказанія въ подвластныхъ, колико она должна бышь гнусна въ произшедшемъ ошъ знаменитой крови, а паче въ сердцѣ Царевѣ; колико долженъ пошъ обуздовать свою душу, чтобы въ пропасшъ спрашную не низвергнулися.

Какъ во время благоразтвореннаго воздуха чистое и свѣшное небо ни какимъ облакомъ, ни туманомъ не мрачнпся, или какъ небесъ досязающая вершина высокаго Олимпа, видпшь подъ собою мрачныя пучи, вѣшры, громъ и молніи; такъ сердце Царево должно попирашъ низкаго гнѣва вихри и громы.

Для отвращенія пороковъ должно прибѣгашъ ко строгости законовъ; но премудрый властитель оную своєю благодѣшельною десницею услаждаешъ. Всадникъ, грозя коню, не всегда его ударешъ; и Зевесъ одѣянъ громовою пучею, когда на крыліяхъ бурныхъ вѣшрумолніа несется, хоща многихъ ужасешъ, но не многихъ разитъ.

Да поразитъ меня гнѣвъ небесный, когда я дамъ шебъ совѣшъ употребитъ насильственную власть! Чтобы опече-

ство мое побою лишенное своего цвѣта увяло? Чпо бы сей великолѣпный градъ, лишенный гражданъ мечемъ своихъ же гражданъ, преобразился въ пустыню? О! власть ужасная! Царь будешь безъ царства, и Воевода безъ воинства!

Чпо предъ очами видишь, по ясно и не сомнѣнно; а чего спрашиваешься, по еще сомнѣннѣ подвержено. Трепеща отъ щещныхъ мечты, вредомъ наслоящимъ ищешь предбудущія пользы, и опасаяся не извѣснаго бѣдства, ты навлекаешь надежное зло, которое предидущими родами будешь вѣчно проклинаемо.

Ты, въ подозрѣннѣ спрашася возмущенія, велишь убить всѣхъ младенцевъ, а, можешь быть, съ твоимъ врагомъ и защитникъ твой вкупѣ родился. Скажи, кто будешь оберегать твое здравіе? Кто будешь тогда себя защищать, когда нынѣ ты цѣлое воинство въ пеленахъ испребляешь?

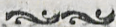
Чпо спанешь слава о тебѣ гласить, которая и истинну и ложь равномѣрно по вселенной разпроспирасеть? Она возвѣспишь: Иродъ, единственно алкая полъко крови, почедъ преслупниками своихъ

ихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые его и иноплеменнаго любили, и всегда усердными пребывали.

Я не думаю того, что бы духъ брата своего и сонъ свой и покой разрушилъ. То только было мечтаніе и сновидѣніе пустое, можетъ быть, злымъ духомъ наведенное; ибо посланники Бога, суть Ангели небесные, а не привидѣнія и не спрашилища.

О семъ Царѣ, котораго ты столько ужасаешься, въ писаніяхъ предсказано: что держава его, не есть держава сего міра; что царствіе Его свято и чисто, наполнено щедроты и милосердія. Сей Царь, одѣтый въ ризу нищаго, будетъ полными руками сыпать безсмертныя сокровища. И такъ не страшись того который, миръ и спасеніе съ небесъ на землю низводитъ.

Опложивъ громъ небесный, онъ приноситъ одну невинность, кротость и милосердіе. Когда бы сей прошивъ тебя хотѣлъ вооружиться, гдѣ бы ты защиту нашелъ? Возмогъ ли бы ты ополчиться противъ блистающаго и крылатаго Его воинства? Куда бы ты ушелъ, и гдѣ бы сохранился отъ того, который все видитъ и всемъ движетъ.

Или ложно то, или истинно, что о его царствїи древними пишется; когда оное ложно, почто губя себя и свой народъ, гнѣвъ и ненависть ты возжигашь? Чпя оное несправедливымъ, я могу сказать, что часто злый и коварный духъ ругаясь смертнымъ, ложными слухами поощряетъ ихъ прошиву Бога,

А ежели сіе рожденіе безсмертнаго Младенца уже на небесѣхъ написано; то всѣ пруды и хитросни челоуковъ бесполезны, и ты напрасно народъ болѣзнями обременяешь. Вошще противишься судьбамъ. Гнѣвайся, ожесточайся, греми, все тщетно то; онъ будетъ живъ, и будетъ возрастать, и небеса его отъ ярости твоя сокроютъ.

Спаси себя, спаси отъ ненавистнаго названія пирана; и уполя жаръ люшости, склонися на путь милосердія, и буди великодушнымъ Царемъ; расѣй мракъ подозрѣнія своего; прибѣгни къ спрогошти правосудія, а не къ жестокости; и съ раченіемъ ища истиннаго виновника, карай преступленіе, но пощади невинность.

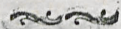
Онъ бы рѣчь свою еще продолжалъ; но увидѣвъ, что Царь, не прїемля его
вѣрнаго

вѣрнаго совѣта , прясеть главою , и какъ
кровожаждущій пигрѣ опвраждаетъ отъ
него свирѣпыя очи ; на челѣ его през-
рѣніе къ нему изображенное ему вѣ-
щало : кто твердое намѣреніе принялъ ,
тому всѣ совѣты и противны и нена-
вистины .

Баруккѣ былъ вельможа , при дворѣ
воспитанный , наполненъ зависти и зло-
бы ; душа его была вѣроломна , ковар-
на и хитра . Онѣ все ненавидитъ опече-
ство , Царя и своихъ согражданѣ . Въ
груди его всечасно кипитъ быспро-
пламенный духъ , копорый только
убійствѣ и крови жаждетъ . Любовь ,
нѣжность , жалость , склонность , дру-
жесство , природа ему неизвѣстны .

Онѣ былъ еще крѣпокѣ силами ,
бодрѣ и здравіемѣ цвѣщущѣ . Хотя на-
спушающая старость уже вокругъ верь-
ха обнаженнаго главы къ его темнымѣ
власамѣ и приобщила сребряновидныя .
Сей льстецѣ выслушавѣ мужа праведна-
го рѣчь , обративѣ къ пирану лукавыя
очи , возсталѣ и съ подобошрасшіемѣ
ему поклоняся , сѣлъ на мѣсто свое , и
спалѣ вѣщаши тако .

Великій Государь ! ты шрудился и
побѣждалѣ . Колико швои побѣдоносная

десница своимъ врагамъ давала ранъ, сколько въ мирѣ устъ хвалу тебѣ соизлепающихъ, и сколько вратъ тебою къ вѣчной славѣ отверстыхъ. Ты можешь по сказать, что побѣдя своихъ сопоснаповъ, ты преодолѣлъ и все снѣдающее время.

И такъ могу, не въ предосужденіе другимъ, сказать, что твой спрахъ основашеленъ, зависъ, сія владычица всѣхъ сердецъ уже, можетъ быть, въ сей часъ покушается противъ тебя устроить злыя предпріятія, составлятъ заговоръ, и народъ къ возмущенію поощряетъ. У Царскаго престола всегда предсоятъ два противника, величство и ненависть.

Ты обладаешь, Государь, не обузданнымъ и грубымъ народомъ, любящимъ вражду, раздоры и возмущеніе; народомъ кичливымъ, наполненнымъ безпокойства и безстыдства, который уже много разъ волновался; премудрый Царь долженъ обуздать шокое безчинство, и настоящею грустію, предувствуя предвидушія напасти, отвращать оныя.

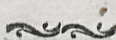
Доколѣ сильный пламень невозгорится, то еще безъ труда можно раждающіяся искры потушить. Малыя ка-

или изъ корабля легко и удобно вы-
лишь; а море, впекающее въ него силь-
нымъ потокомъ, понопяетъ его. Ког-
да рана свѣжа, она легче застарѣлой ис-
цѣляется; и юная лоза согибается безпру-
да, но древо великою силою уклоняется.

Сіе предпріятіе естъ шебя до-
стойно, шебя, который соспарѣлъ во
брани; который взоромъ единымъ умѣ-
етъ враговъ устрашать; который пре-
ждѣ, нежели спалъ владѣть скипет-
ромъ, умѣлъ владѣть мечемъ. Дѣло
швое, Государь! что бы въ началѣ раж-
дающееся зло искоренить. Сія естъ
всякаго человѣка должность, а паче сѣ-
дующаго на тронѣ. Онѣ неусыпно дол-
женъ стараться въ началѣ по испреб-
лять, что послѣ отвращить уже бу-
детъ поздно.

Кто больше ничего не знаетъ, пошѣ
говоришѣ, что въ милосердіи слава Ца-
рей состоитъ. Я сего не отрицаю,
похвальна щедрота къ шѣмъ, которые
онья достойны; но она порокъ прошивъ
клятвопреступниковъ и рушителей вѣр-
ности; и слава власпищелей помрачае-
ся, когда нарушая правосудіе, они ми-
лосерды. Правосудіе и доброта сушь
шѣсно сопряжены, и бышь должны под-

порою и основаніемъ Царскія добродѣтели.

Я болѣе себѣ скажу: ты вѣдаешь, что царствіе твое во корени своемъ еще не твердо; что новое твое владычество еще слабо; правленіе иноплеменнаго должно быть строга. Для утвержденія престола, надлежитъ тебѣ, прибѣгая къ правосудію, жестоку быти. Да уступитъ право должности гнѣву, или по крайній мѣрѣ, да уступитъ оно праву власни.

Когда до славы и царствія касается, тогда гордость и насиліе суть справедливы; и въ дѣлахъ важныхъ дерзость благоразумію предпочищается. Часто то, что благоразуміемъ именуется, ни что иное есть, какъ только страхъ; не рѣдко завѣсою милосердія закрывается робость. Въ подобныхъ твоимъ обстоятельствахъ, по совершеніи своего намѣренія, должно пребывать совѣта.

Когда отъ пролитія крови великія пользы не произойдетъ, по крайней мѣрѣ будетъ та, что симъ примѣромъ успрашася, ни кто не дерзнетъ возстать противу тебя; а естли и осмѣется какой злобный измѣнникъ, то

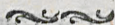
вос-

вспомнивъ спрашныя казни, и ужасаяся погибели, не восхощетъ быти сообщникомъ и послѣдователемъ наказаннаго злодѣянiя.

Положимъ, что хопя на жизнь твою и на твой вѣнецъ ни кто не посягаетъ, то можешъ ли слава дать тебѣ имя мучителя. Вселенная за сіе тебѣ почтитъ прошломъ наисправедливѣйшаго, и речетъ: когда къ невиннымъ онъ толико былъ спрогъ, что бы сотворилъ со преступниками.

Къ симъ мыслямъ присовокупи еще, что Царь небесный есть хранитель и покровъ земныхъ Владыкъ; они ему любезны, и на мѣсто его повелѣвая, сущь на земли его подобіе; что Ирода онъ любилъ, и разными знаменiями повѣдая ему грозящее бѣдствіе, хошетъ его спасти, о семъ какъ о извѣстномъ тебѣ я умолчу.

Явившаяся звѣзда на востокѣ, которая насъ толико смущала, ни что иное было, какъ глаголъ Всевышняго, какъ предвѣспница Божiя, которая восклицала: брегись Царь Іудейскій! пришедшіе изъ восточныхъ странъ волхвы, которые между нами искали Царя

Палестинскаго, кто они были? Когда не посланники Вожіи.

Что пресвѣтый, не просвѣщенный и алчущій новостей народъ иначе сіе шолкуешъ, сіе не дивно; но премудрые волхвы, предпріявъ тяжкій и дальній путь, влекущя во слѣдъ чудесныя звѣзды, и знаніемъ гаданія наученные, ставя другимъ правленіе царствъ своихъ, приходяшъ здѣсь обожать Царя.

Все сіе раждаетъ подозрѣніе, и такъ карать коварство всеобщимъ наказаніемъ, когда всѣ измѣну скрываютъ, и шѣмъ воспановитъ спокойствіе швоего царствія, не есть жестокость, но сущее правосудіе. Когда оный опасный Младенецъ уже родился, и никшо сего тебѣ не открываетъ, шо всѣ передъ тобою преслупники и измѣнники, недостойные швоего милосердія.

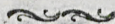
Иный имѣя сердце слабое, полнѣ отеческія любви и сожалѣнія къ чадамъ, погибели общесшва предпочитая свою, спарается уменьшая опасность, представитъ шо, чего нѣтъ; пускай онѣ, какъ хошетъ, тебѣ совѣтуешъ, онѣ спрашитя собственнаго сѣдствія, не взирая на паденіе отечесшва.

А я, котораго хощя не отъ спарости, но отъ трудовъ власы безвременно посѣдѣли, который всегда между враговъ и друзей своихъ въ Аравіи и Римъ съ собою бывалъ; я не спрашася ни чего, истинну себѣ вѣщаю. Хотя Царя прогнѣваю, но не смотря на пользу мою, взираю только лишь на благо общества.

Заклинаю тебя и небо и землю и собою самимъ, спѣши предъупредить несчастіе. По отвращеніи такогo злодѣйствія, возможно ли раскаеваться? Почему, великій Государь, въ печали погруженъ пребываешь? Ты всемогущъ, рѣшился только скорѣй сіе предиріять. Въ намѣреніи семъ не должно быть мѣдлительну, ниже ощущать жалости.

Искусный врачъ нарочно въ рукѣ рану разтворяетъ, что бы извлеченіемъ немногія крови, возврашшь и сердцу и всему тѣлу здравіе; и часто изнемогающему жестокии дѣйствіемъ подаетъ цѣлительную помощь; онъ жжетъ и рѣжетъ; и огнемъ и желѣзомъ спрданіе пресѣкаетъ.

Во время бури, чтобы корабль спасти, богатство и сокровище бросаютъ въ море; чтобы главу сохранить, отъ-

емлющъ зараженные члены. Да будутъ насажденія Іудейскія лишены листвѣи и цвѣшовъ, лишъ толькобъ отрасль Царская могла безпрепятственно до небесъ возрасти.

Погуби съ преступникомъ и невинность; когда въ нѣдрахъ оныя пишется злодѣйство, да падетъ съ единымъ измѣнниковъ множество смиренныхъ на жертву Еврейскому Государю; да пролетѣтъ Царскій мечъ рѣками гнуснаго народа кровь; да пугибнетъ и другъ и врагъ, а ты яростию дыша, возони; вопъ какъ жизнью подданныхъ должно спасать главу Цареву!

Се тако вѣщаль Буруккъ, и Царь съ меньшею яростию взбросивъ на него люмый взглядъ, явилъ ему благосклонность. Сей сладкій лести гласъ обольстилъ и сердце его и душу; воспрянувъ съ сѣдалища, отпускаетъ собранныхъ совѣтниковъ, и умышляя, какимъ средствомъ произвестъ сіе злодѣяніе, мыслями летаетъ, какъ пугръ, алчущій напишися крови.

Молчитъ, но въ молчаніи зла Фурія его чувствія подстрекаетъ; онъ ужасъ смертельный ощущаетъ, спрашася прома лишиться, и ярость обемлетъ

емлетъ всю его душу. На что не держатъ? Чего не предприемлетъ гордость мучицеля распаленная злобою? И не возможное онъ намѣряется содѣлать, и въ тотъ же часъ намѣреніе опровергаетъ.

Уже на холмахъ Сіона смертоносная и кровавая ночь показалась. Толь темныя и ужасныя ночи выходящія изъ пропастей подземныхъ еще онъ вѣка Израиль не видалъ. Все пространство Іудейскія земли было адскою мглою покрыто, и темноша сполько была велика, что казалось, будто все во мракъ и густой туманъ преобразалось.

Между шѣмъ Иродъ мѣдленностию и неперпѣніемъ раздраженный и жестокостию воспламененный рыщеть, подобно какъ Менада разяренная. Смертельный ужасъ паршара объемлетъ его душу, и сколько онъ ни прещеть, но самъ еще ужаснѣе всѣмъ кажется.

Созываетъ рабовъ своихъ, и хочетъ имъ вѣщати; но сполько былъ яростенъ, что языкъ его цѣпенѣтъ, и зевъ его смыкается: подобно какъ быспрая рѣка, сама въ себя впекая съ шумомъ, вихрями вращитъ каменія на каменія; тако скрежещеть онъ зубами

бами, осипшій гласъ его на концеѣ со прескомъ прорываеися; какъ въспрѣ, заключенный въ нѣдрахъ земли, вырывается на воздухъ.

Воиниѣ, соберише всѣхъ матерей въ Виолѣемъ и съ ними всѣхъ чадъ, не выключая ни единого, которымъ только не болѣе дву лѣтъ; за упрото рано предспавни ихъ предъ спѣны моихъ черпгоговъ. Сіе царское повелѣніе было со гласомъ многихъ шрубъ обнародовано.

Мучитель накрѣпко повелѣлъ не объявляиъ никому своего намѣренія, и подъ видомъ радости и спокойствія, сокрываеиъ онъ свой обманъ и люпрое коварство. Жены не подозрѣвали съшей, въ которыя ихъ Иродъ уловлялъ; нѣ которыя съ веселіемъ повелѣнное гошовились исполнишъ, а нѣкоторыя смущалися и ужасалися.

О божественное милосердіе! Когда оставя суешу міра, Ты нынѣ на небесахъ обитаешъ, приинки ошполъ на землю, увиди дерзновеніе и люпость нивоего гордаго врага, сниди съ горнихъ округовъ! Уже спраданіе вѣрныхъ Іудей Ты нынѣ презираешъ, подай ушѣшишельную руку помощи; спаси онѣ совершенныя погибели семя Израилево!

Тако

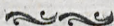

Тако Рахиль горестно рыдая, оплакивала приближающуюся кончину чады. Божество милосердія услышало сіе спѣваніе и жалосный вопль, и желая воспяшишь кровопроліпіе и жестокость, падаешъ предъ прономъ Всевышняго, и въ горчайшихъ попокахъ слезъ и воздыханіяхъ проливаешъ жалосное моленіе.

Или Твои Божественныя и всевидящія очи въ какую иную спрану отвращены? Видя уготовляющееся проліпіе крови невиннѣйшихъ младенцевъ, Ты недвижимъ пребываешъ! Возри на безчеловѣчное и неслыханное злодѣяніе, на ужасное предпріятіе, внушенное адскими зміями, алчбою ко злапу и жаждою ко крови!

Отецъ нещасливыхъ, или уже Ты нынѣ злѣйшимъ пресупникамъ не опмсишель? Или какъ прежде Твой гнѣвъ нынѣ злодѣевъ громомъ и молніей не устрашаешъ? Или Агнецъ смиренныхъ не можешъ избавишь? Или и капля Его крови не можетъ пьму міровъ искупить?

Вспомни, съ какою иѣжностію Ты всегда обитателей Сіона любилъ? Ты сей народъ избраннымъ народомъ, Левиа- товъ

поѣвъ своими Левитами и Иерусалимъ своимъ градомъ именовалъ. Не ты ли, усердствуя къ нему, далъ обѣщаніе его спѣшнымъ быть защитникомъ и вѣчною спржею? Или и на небесѣхъ клятво-рушеніе есть?

Почто щедрому на гнѣвъ премѣняешь? Твой гнѣвъ безъ сомнѣнія праведенъ, и полонъ свящоспи въ тебѣ пылаетъ; однако кто и изъ Ангеловъ предъ тобою не прикосновененъ слабости? Какой есть сполнъ на небесѣхъ, который бы не колебался? Не съ шѣмъ я горячія слезы проливаю, что бы пропивишь Твоему соизволенію. Ты знаешь, мнѣ все пріятно, что тебѣ угодно, и воля Твоя есть мое единое ушѣшеніе.

Когда мое спраданіе можетъ быть облегчено, я только о семъ молю Тебя; да не испоргнишь неправедно противъ меня правосудіе свой оспрый мечъ. За что, о Господи! проливаетъ кровь всѣхъ младенцевъ опъ сѣмени Авраамля? За что караешь шѣхъ, которые ни въ чемъ не винны?

Когда не умолимья жестокоспи пирановъ ни слезами ни спѣнаніемъ умягчиши не могу? Къ Тебѣ, о щедролубецъ! прибѣгаю; внемли моленію моему;

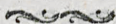
укро-

укропи мое перзаніе; Великій Боже!
 подвигнись къ жалости моими възды-
 ханіями; да помогунѣ мнѣ пошоки мо-
 ихъ горячихъ слезъ, и да проліеши
 Твоя благодать на пламень моя болѣзни
 Свою живошворящую росу.

Разверзи свѣтлыя нѣдра Твоя щед-
 робы; подвигни Твою благословенную
 десницу, копорая небо и землю дер-
 жиши; продли вѣкъ Сионъ; по толи-
 кихъ горестяхъ дай ему сладости вку-
 сиши: на пламень свирѣпости пролей
 прохладный, и безсмертный дождь ми-
 лости рукою, копорая все цѣлиши и
 оживляеши.

А ежели предѣ Тобою уже ни чего
 не возможешъ шеплое и благоговѣнное
 моленіе, копорое невозможнои содѣ-
 ваетъ, словомъ копорого движущся
 гóры, небо огнемъ дождиши и самое
 солнца горящее колесо оспановляется: по
 по крайнѣй мѣрѣ, свершивъ мое про-
 шеніе, самому милосердію яви милосе-
 рдіе.

Симъ кончило оно рѣчь свою, и
 крылатые небесные Орфеи на зланныхъ
 лирахъ возглашая, воспѣвали; Милосер-
 діе! Милосердіе! спаси сѣмя Израелево.
 Творецъ вселенныа обрати на него все-
 видящее

видящее око съ предвѣчнаго своего престола, гдѣ посреди блаженныхъ душъ обихаетъ единица раздѣленная, и Троица соединенная; подобно, какъ единый узелъ изъ трехъ узловъ соплетенный, или о трехъ перстахъ единая рука.

На пресвѣпломъ его челѣ, возлюбленномъ Ангеламъ, обихаетъ жизнь всего и питается безсмертною пищею. Отъ очей его солнце занимаетъ свой лучъ, лучъ, который разгоняетъ бурныя тучи и мрачныя вихри, и раждаетъ весну, лѣто, осень и зиму, и проливая чистѣйшій свѣтъ, являетъ звѣзды, злато и Сапфиръ небесный.

Его блистающая великолѣпная и святая риза изоплканная изъ непоспиритныхъ уму человѣческому немерцающихъ нитей, кажется, будто оныя изъ лучей солнечныхъ составлены, естъ ли только солнечные лучи съ сіяніемъ ихъ сравнятся могутъ. Верхняя Его одежда, естъ лучезарными облаками испещренный воздухъ. Онъ сполько блистателенъ, что собственннй свѣтъ его закрываетъ, и въ сіяніи происходящемъ отъ него онъ сокрывается.

Самъ изъ себя составленъ, самъ въ себѣ и утаивается. Онъ самого себя
частнѣ

часть, середина и окружіе; предвѣченъ, не премѣненъ, не рожденъ и не смертенъ. Какое былъ, такое есть и будетъ. Не раздѣлимъ, но къ намъ пріобщается. Все шворитъ, всемъ движетъ, всемъ повѣлеываетъ, и все объемлетъ, довольствуясь Собою лишь однимъ; Онъ совершенная радость, совершенное Благо и совершенная Премудрость.

Новое сожалѣніе пронуло Создателя сердце, когда Онъ пресвѣтлое око обратилъ на Милосердіе, и какъ будто духъ Его усугубилъ нѣжность Свою; сугубый огонь любви Онъ далъ почувствовать, горя благосклонностію; изъ животворныхъ Своихъ взоровъ проливалъ святымъ горьныхъ небесъ мѣстамъ море свѣта.

Отъ гласа Его вострепсала востокъ и западъ; ось небесная согбала; дрожала; сферы и свѣтила неизмѣримого неба оспановилися; быстрое теченіе Тигра и Ганга прекратилося, и Атлантъ хребетъ свой уклонилъ; изъ устъ Всемогущаго Творца не возвращимое опредѣленіе исходилъ.

О благословенное Чадо! вѣщаемъ
 Омъ Милосердію: Ты, которое спро-
 Г гостъ

гость гнѣва Моего укрощаетъ, и ула-
ждаешь опредѣленія Моего правосудія;
священное Мое упражненіе, вина Мося
славы, небесное сокровище! Твое про-
шеніе Мою утробу перзаетъ, и какъ
острая стрѣла Твое теплое моленіе,
окропленное жалосми слезами, Мое сер-
дце прободаетъ.

Облбызавъ Его, продолжаетъ Го-
сподь: о драгоцѣннѣйшій залогъ! отъ
Меня самаго возлюбленный источникъ!
могу ль противъ Тебя Я бышь спрогъ,
и опвергнуушь прошеніе дражайшей ча-
сти самого Меня? Ты украшеніе пре-
стола носимаго на Херувимахъ!

Тобою, о Чадо Мое! Я изъ ничего
все создалъ, воздухъ разпростеръ и
огнь на вышину подбѣлъ; въ простран-
номъ сосудѣ моря воды соединилъ и
печенію ихъ предѣлы положилъ; попо-
ки, озера и рѣки въ брегахъ заклю-
чилъ; пространство земли на пропас-
няхъ ушвердилъ, и всѣ міры шоль
швердо связалъ.

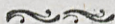
Тобою луну, солнце и звѣзды си-
лою движенія одарилъ и свѣтомъ укра-
силъ; движущагося неба полюсы недви-
жимы пошпановилъ; далъ въшрамъ спо-
собность душъ, чешвероножнѣмъ быс-
про

про бѣгашь, насѣкомымъ пресмыкашь,
птицамъ леташь, рыбамъ плавашь. То-
бою поля и луга пріятною зѣленью по-
крываются, и прекрасными цвѣтами из-
пещряются; Тобою пространный годъ
на чепыре часши время Я раздѣлилъ.

Чтобъ совершить дѣянія Мои, по-
ложилъ Я создашь человѣка: сіе сокра-
щеніе е зрѣлище міра, котораго позо-
рищемъ Я себѣ представилъ; все Мое
мощаніе Я на него обратилъ, и сошво-
ривъ возрадовался, во образѣ его Свой
образъ видя: изящнѣйшее Мое созданіе,
въ которомъ цвѣсны различныхъ кра-
сотъ блистають.

Но когда нещасный человѣкъ по-
губилъ свое блаженство [Ты знаешь,
чимъ коварствомъ], тогда хотѣлъ Я
оное зло поправить, и открылъ сокро-
вища, которыя Твоя святая рука обиль-
но сыплешь. Безсмертный вступаешъ
въ челюсти смерти, и нынѣ ужѣ облек-
ся плотію человѣка, что бы дѣло пору-
ченное Мною Ему на небесѣхъ, во адѣ
побѣдою совершить.

Ужѣ въ предвѣчномъ Моемъ совѣ-
тѣ то опредѣлено, чтобъ предъ про-
липіемъ крови Его, крови невинныхъ
младенцевъ пролилися; чтобъ Церковь
Г 2 Моя,

Моя, которую Онъ воздвигнешъ, была разными сокровищами изобильно украшена, дабы Правосудіе держащее мечъ и вѣсы на Меня жалобы не шворило; для того желанія Твоего исполнишь не могу и не хочу; однако нѣкую ушѣху Тебѣ подамъ.

Спрананіе младенцевъ, сихъ первыхъ Моихъ жертвъ, преобразится въ вѣчное веселіе и радость; ихъ раны смершельныя блиспаши будутъ, какъ свѣтлыя солнца; такъ скоро пресѣченный ихъ вѣкъ на земли, на небесѣхъ соединитъ ихъ съ безсмертнымъ и вѣчно радостнымъ жилищемъ.

Царь вѣчнаго мрака, и сообщникъ его тиранъ Іудейскій обманутся и пребудутъ въ заблужденіи, доколѣ часъ, опредѣленный ко спасенію человѣческаго рода, не придетъ. Съ великимъ тщаніемъ ищутъ они Моего возлюбленнаго Сына низшедшаго на землю; но Онъ бѣжитъ покрывъ и защищенъ; бѣжитъ не отъ ужаса, но что бы одержать побѣду надъ смертію и адомъ.

Онъ рекъ, и все было исполнено. Единъ изъ лучезарныхъ Ангеловъ, пріявъ повелѣніе изъ очей Всевышняго, какъ быстрая стрѣла, съ предвѣчнато и
блис-

блистающаго міра направилъ свой полетъ къ проходимому и счешному свѣту. Онъ плылъ по воздуху, разсѣкал криліями вѣтры.

Изъ легкаго воздуха составилъ онъ себѣ прекрасное шѣло, и какъ тяжкій свинецъ опустился въ низъ. Тамъ раздѣляя жаръ и огнебыспрыя молніи, достигъ онъ до пламенъ, которые спокойно въ предписанныхъ кругахъ движущся.

Пришекъ онъ къ нижнему небу, котораго кристаллъ блистаетъ бѣлымъ свѣтомъ; въ семъ влажномъ округѣ, не ощущая хлада, и коснувшись регамъ сребряновидныя луны, достигъ багрянаго пламени, предъ которымъ предвѣспница дня заря, свою омоченную росю одежду осушаетъ; но ни златые его власы, ни свѣшлыя крилія огнемъ не были повреждены.

Рамена его обнажены, нѣжная и длинная риза виситъ съ правыя на лѣвую спрану; покровъ, изъ злата и багряницы сотканный и изпещренный прекраснымъ лазуремъ и очи мрачащею бѣлизною, волнуется по вѣтру; блистающій и драгоценный адамантъ смыкаетъ край онаго на лѣвомъ колѣѣ.

Прекрасный его хребетъ покрывающѣ два великія крила, изпещренныя радугѣ подобными цвѣтами; кудри златыхъ его и разцвѣченныхъ власовъ летая по воздуху, наполняютъ оной благоуханіемъ. Чело его бѣлизною, подобное слоновой кости, украшено блистающимъ вѣнцемъ, составленнымъ изъ вѣчныхъ рубиновъ; на мѣсто адамантовъ и злата, на снопахъ его сіяютъ звѣзды и лучи солнца.

Хотя еще свѣтило дневное не восходило, но темнота ночи исчезала. Ангелъ, оставляя по себѣ лучезарный путь на востокъ, какъ будто второе солнце являясь, освѣтилъ землю; пасыри, оставя ложе свое, воспрянули, дивясь столь раному свѣту.

Въ странѣ черныхъ Египтовъ естъ долина, окруженная высокими горами, усаженными частыми древами, вѣтви оныхъ взаимно сплетающіяся, сквозь густыя листья и въ самый полдень не пропускаютъ солнца знойныхъ лучей: тамъ обитаетъ въ тихихъ пещерахъ обѣщанный тѣнию Царь снеговъ; на днѣ же долины имѣетъ убѣжище и мрачная ночь.

У вращѣ, половина копорыхъ изъ слоновья кости, а другая изъ швердаго рога, спѣишь забвеніе и лѣнивая праздность. Спражемъ поставлено молчаніе, копорое положе перспѣ на уста, безпрестанно слушаешѣ, и тихо ступая на пальцахъ ногъ, издали для предосторожности машешѣ рукою звѣрямъ и вѣшрамъ, чшобы лисивія или правы своимъ движеніемъ не поколебали. Въ сихъ мѣстахъ зѣлень и цвѣшны на увядшихъ стебляхъ, на землю уклоняся, лежатѣ.

Тамъ въ густомъ и мрачномъ лѣсу ни вѣшры не дышутѣ, ни птицы не поютѣ, ни небо не гремитѣ; не слышно, чшобы пастырь пѣснь воспѣвалѣ и эо бы ешвѣчало; чшобы агнецѣ блелѣ, или бы пѣсѣ стрегущій лаялѣ; лишѣ только тихо журчащій ручей сѣ камня на камень лѣниво перешекая, сладоспѣ сиа усугубляешѣ, и проснувшихся приводишѣ паки въ желаніе спать.

Въ нѣдрахъ поросшія мягкою муравою, кругообразныя пещеры, на черномъ изъ древа гебеноваго содѣланномъ, и лисивіемъ его покрышомъ ложѣ разпростершѣ, покояся хранишѣ уединенный сонливый богѣ. Мягкіе маки осѣ-

няютъ его чело, въ лѣвой рукѣ держитъ въпль омоченную водою рѣкѣ забвенія, а правая, насилу поддерживая его опягощенную главу, всечасно упадаетъ.

Съ великимъ прудомъ можетъ онъ воздымать дѣбелыя и тяжкія вѣки очей своихъ, и возноситъ помятое чело. Слабая выя его, безсильная держитъ пягошу его главы, шапашся и дрожитъ, опъ тяжкаго дыханія ланишы его по раздуваются, по паки опадають. Близъ бога лѣниваго стоитъ столъ, наполненный разными пищаами и винами, которыхъ пріятный запахъ, летая облаками по воздуху, льститъ нѣжному чувству обонянія.

Туда прямо съ превьспреннихъ низлетѣлъ Ангелъ Божій. Онъ видитъ тамо толпами шѣснящіяся легкія шѣни, привидѣнія съ темными крилами, обманчивые образы и страшилища. Небесныя его очи не обманываются и не помрачаются ни какимъ образомъ, и блистаніемъ его самъ Морфей купно съ Ицеломъ и Фаншасомъ исчезаютъ.

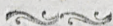
Между ликами крилатыхъ сновидѣній, летаетъ тамъ, блѣйшая снѣга, блистающая дѣва, прозрачная одежда покрываетъ ея прекрасное шѣло; среб-
ряныя

ряныя крилія украшають ся хребетъ , гдѣ множесво разноцвѣтныхъ очей подобящъ оныя съ перьями павлина . Сія дѣва называется видѣніе , сопушница истинны , другія Пророковъ и древняя посланница небеснаго Царя .

На челѣ ея , созданиомъ изъ чиста-кристалла все начертано , что природа произвела , или произведетъ : то Богъ самъ своею рукою написалъ , и буквы изображенныя чернилами свѣта блистающъ , аки злато . Тамъ праведники всегда по читають , что ошъ прочихъ сокровенно .

Ею спрансвующій Іаковъ таинство небесныя лѣспвицы провидѣлъ и уразумѣлъ ; ею Іосифъ , сей въ Египтѣ бывшій свящій узникъ , прорекъ о Божественныхъ класахъ . Скипающихся Евреянъ великій вождь ею проразумѣлъ кусты зѣленыхъ терніевъ , стоящихъ во пламени ; ею пророки и свящые писатели предузнавали волю Всевышняго .

Она открыла горящему ревностию ученику , сосланному послѣ въ Паѣмосъ , гдѣ онъ откровенія свяшую книгу писалъ , разумъ сновидѣнія ; онъ видѣлъ вещи , какихъ ни какое око не видыва-

ло, и ни какой умъ не постигалъ, онъ видѣлъ, и уразумѣлъ.

Ангелъ взявъ съ поспѣшностію дѣву, пустился съ нею чрезъ горы и моря прямо въ Вилѣмъ; и спящему Іосифу предсталъ; мерцаніе звѣздъ способствовало ему яснѣе увидѣть ея лице, и то, что Богъ свѣшлыми и явственными чертами вновь на ономъ изобразилъ.

Сія Любительница зари упреніе часы предъ прочимъ временемъ дня предпочитаетъ: тогда и тѣло меньше оягощенное не столько препятствуетъ дѣйствовать душѣ. Къ святому спарцу обративъ кристалльное чело, гдѣ разные виды блистають, открыла прозрачный адамантъ духовныя книги.

Іосифъ душевныя взоры крѣпко прилепилъ къ тому, что Ангелъ ему показывалъ; онъ явно видѣлъ судьбу Божию и повелѣніе спастись бѣгствомъ. Спрямись, бѣги, [сіе шамъ ясно было начертано] спѣши, не лживое сновидѣніе, но истинну ты видѣлъ. Предсказаніе твоего Создателя есть истинно; бѣги несчастливыя земли и варварскаго Царя.

Ты безъ опасенія при наступающемъ бѣдствіи спѣши. Возстань, спѣши, да не обрящешь тиранъ и слѣда

Воже-

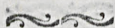
Божественнаго сына ; чшобы всѣ по-
иски его убійственной подпы щещины
были . Гряди прямо во Египетѣ со Свя-
тымъ и Небеснымъ Младенцемъ : памѣ
окончивъ свой пятоспный пущь , ожи-
дай инаго предвѣспія Божія .

Рожденному поздно опѣ Елисаветы
сродственнику швоего великаго Воскор-
мленника , уже надежное убѣжище опѣ
напасши извискано премудрыми судьба-
ми . Предшеча Спасителя спасетѣ его
нынѣ еще Младенца суца ; градѣ его
будетѣ пустыня , а домѣ пещера .

Гряди и злодѣя не спрашисъ : гряди
безѣ ужаса ; ни хищный дикій звѣрь , ни
врагѣ какой , ни убійца тебѣ не прикоснеш-
ся ; гряди , Господь съ шобою : пошомѣ и
сонѣ и видѣнїе изчезло . Ангелѣ рассыпавѣ
во кругѣ себя искры и свѣшнѣ , какѣ мол-
нїя , возлетелѣ на небо .

Иосифѣ смущенѣ , удивленѣ съ од-
ра воспрянулѣ , и опкрываетѣ видѣнїе
Обручницѣ своей Опроковицѣ . Преду-
вѣдомленная небесами Она , ни мало не
ужасаясь , прїемлетѣ извѣстїе . Спа-
рецѣ спремится кѣ лежащему вѣ пеле-
нахѣ Господу , и разрушивѣ сладкїй
сонѣ , Его подѣмлетѣ , и прижавѣ кѣ
груди , облиываетѣ горячими слезами .

Облобы-

Облобызавъ Его, вѣщаетъ: куда со-
крышися намъ, мой Сынъ, которому я
только по одной моей горячности опещъ?
Гдѣ надежное и вѣрное убѣжище най-
ти? О Чадо небесное! О Боже мой!
Колико Твоя напасть миѣ сердце раз-
рываетъ; О корени Иессея единый
цвѣтъ! Въ пеленахъ обвиняемо возмож-
но ли Тебѣ спранспивовать?

Однако намъ должно бѣжать; дол-
жно укрывашися, и шѣло нѣжное Твое
небеса укрѣпятъ. Всевышній по Сво-
имъ всемогущимъ словомъ утвердилъ;
Онъ будешь намъ по горамъ и доламъ
предшествовать. О Боже! Оиче пред-
вѣчный, Покрой Его Твоею всеильною
десницею, сохрани въ Его жизни не-
исчисленное множество жизней; направи
на путь благій стопы нѣжнаго Младен-
ца, слабыя Жены и упомянутого
старца.

Во время благоговѣйнаго моленія
сего къ бѣгству готовящагося старца,
гласъ его горестію прерывался, и очи
слезы пошочками проливали. Спаситель-
ный Младенецъ между шѣмъ обѣмлеши
нѣжными дланями ланины его, и со-
жалѣя о злоключеніяхъ рода смертныхъ,
орошаетъ слезами сѣдины главы стар-
цевы.

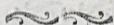

Иосифъ , зря ночь уже преходящую , и смертныхъ еще въ глубокомъ снѣ погруженныхъ , собирается съ поспѣшностію ; бремяемъ потребностей удручаешь хребетъ осла ; шуда же возлагаетъ и кошу , вмѣщающую въ себя Спасителя вселенныя , и вопіетъ : остави мнѣ Господи и Боже , что не злопо и багряницу Тебѣ подспилаю .

Пускай гордый тиранъ нѣжится на великолѣпныхъ и златомъ изпещренныхъ покровахъ ; Тебя опѣ хлада защититъ сіе хопя рачительными , но неискусными руками сотканное одѣяніе ; хопя на изсохшей правѣ здѣсь лежишь ; но я знаю , что Ты въ превыспреннихъ торжествуешь , гдѣ небо Твой покровъ , а звѣзды Твое подножіе

Я знаю , что пышность и великолѣпіе Тебя не увеселяетъ ; и Ты радуешься только о чистой искренности къ Тебѣ , о подобострастїи и любви цѣломудренныхъ сердецъ . Сказавъ сіе . и возложивъ Младенца купно съ благословенною Дѣвою , тихими спонами оспавляетъ бѣдное свое жилище .

Тиранъ ! но мало того сказать , чудовище шаршара ! Опустошай Виелѣемъ ,

емъ , и испребляй свое опечество ; насыпи алчность своєю ярости спраданіемъ маперей и кровію своихъ гражданъ ; но не смотря на свою злобу , спасаешься отъ себя Спаситель міра . Воззри на грядущаго Его безопасными стезями шамъ , гдѣ Нилъ съ высокихъ пороговъ низпускаетъ шумящую воду .

Нилъ оглушающій сосѣдей своимъ шумомъ , и горящія пещанья стѣпи наполющій пышательною влагою , который , какъ море впадающее въ море , седмью пошоками гордится стремится , и родясь изъ неизвѣстнаго источника , по великому пространству земель лѣется . Азію со Африкою раздѣляетъ , и полота предѣлы міру , на брегахъ своихъ два разныя названія носитъ .

Іосифъ со удивленіемъ взираетъ на верьхи славныхъ пирамидъ , на онныя горы искусствомъ воздвигнутыя , гдѣ лѣспвицы изъ камня изсѣченныя , возвышаяся по воздуху , кажутся сполнами неба и подпорами свѣтилъ ; великостію шѣни своєю покрываютъ горы , цѣлыя долины и поля ; огромностію отъемлютъ свѣтъ у рощъ и лѣсовъ , и препятствуютъ въ теченіи солнцу .

Колико можно было видѣть: онѣ зрѣтъ Фаросовѣ огонь [кошорый длиннымъ и свѣтлымъ лучемъ позлащаетъ волны морскія] и по, какъ искусная рука чудеснаго каменосѣца изобразила сфинкса. Видѣтъ огромное спроектіе извивистаго лабиринта, котораго въ проспранныхъ нѣдрахъ вмѣщаются семь градовъ; такъ же великую стѣну, которая Пелузіу съ Теліополомъ соединяетъ.

Видѣтъ онѣ часть проспраннаго озера Мерисѣ, котораго величины чада суть горделивыя рѣки, видѣтъ училища, по обиталище и престолъ музъ, кошорыя Грецію науками и премудростію наполнили; видѣтъ рѣдкости и великолѣпіе Египетскихъ гробницъ, гдѣ шруны, умащенные кедрами и смолами, поль искусно сохраняющся, и муміями для исцѣленія нашего привозящся.

Предвѣчнаго Младенца сіяніе спрана Фараонова почувствовала, и премѣнилась, какъ при восхожденіи новаго солнца; на холмахъ и горахъ раждались драгоценныя камни, порфиры, топасы, изумруды и сапфиры; въ дикихъ пустыняхъ львы и шигры поклонялися Ему,

аки

аки Богу своему, и крокодилы изходили изъ водъ для изъясненія Ему чести.

Природа измѣнялася, и зима сбросила свою, всѣхъ украшеній лишенную ризу; цвѣшущая весна открыла ей свои сокровища; обнаженная земля одѣялася зѣленью и разными цвѣтами; изобиліе сыпало щедрою рукою сладкіе плоды.

Чистые духи, горящіе небесною любовію, скрываясь въ пальмовыхъ и лавровыхъ кустахъ, и проспирая крилія по воздуху, наполняли лѣса сладкимъ пѣніемъ; на мягкой и благоуханной муравѣ Создатель сѣдя, ласкалъ долины; и горы и холмы уклонялися предъ Нимъ скакали деревья, и источники журча Его благословляли.

Подѣявъ обвитую проростникомъ влажную главу, Нилъ добызалъ пречистыя слѣды Святейшія Отроковицы, и оспановлялъ свои струи. Растѣнія спѣшили возрастать, чтобы бысть пищею и укрѣпленіемъ Ея упомянному лѣлу. Гдѣ нога Ея ступала, тамъ травы и цвѣты благоуханіе Ей въ даръ приносили. Ангели купно со пшитами благословляя Его воспѣвали.

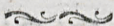
Безчестное множество пламенныхъ духовъ на воздухъ, составляя пріятное восклицаніе, всечасно шествуя во слѣдъ, обѣняли, и нѣжно оширали инныя росу, пающую на спящаго Младенца, инныя закрывали Его крыліями опѣ вътровъ и опѣ хлада.

Духъ, одѣянный во броню, вождь сихъ Ангеловъ, отвращалъ опѣ нуши всѣ опасности; десница его была вооружена пламеннымъ мечемъ; грудь его закрыта свѣшлымъ и твердымъ щитомъ; онъ былъ во всемъ подобенъ тому, котораго Іосифъ во снѣ, а Марія въявѣ видѣли.

Отецъ и Сынъ самъ себѣ Фениксъ. Сіе на земли, какъ солнце на небесѣхъ, неподобное швореніе, котораго очи какъ рубины, а крылія какъ Сапфиры блистающъ; когда Онъ является, паря на воздухъ, пищицы окружая его толпами, и восхищенныя видѣніемъ его, какъ Господа своего воспѣвающъ, и соплѣпающъ хвалы сему чуду Аравім.

Такъ во кругъ сего оруженоснаго Ангела носятся лики духовъ. Іосифъ видипъ то, и слышипъ пѣніе; но око его сіяніемъ омрачается, и ухо гласомъ чуднаго пѣнія оглушается, и

Д онъ

онъ лишенный чувствъ надаеиъ на землю .

Однако сила небесная чувствва свя-
таго снарца ободряеиъ , подьемеиъ
онъ очи полныя слезами , закрывъ свой
зракъ ладонию руки , приеиъ въ дру-
гую сучисный жезлъ , и шрепеча подь-
емеиъ дряхлую шягосъ согбеннаго
шБла .

Собравъ силы свои , и воспавъ възды-
маеиъ мушное око на небеса , гдѣ свѣиъ
Ангеловъ блиспаеиъ , и ошкрывъ уста
начинаеиъ благодареніе , кошорое однако
воздыханія и слезы прерываюиъ . О !
лики небесные , крылашые и блиспаюиъ
пламеннымъ оружіемъ и свѣшомъ , при-
мите мое поклоненіе !

Примите мое поклоненіе , о слуги
Всемогущаго Повелишеля неба и земли !
Вами мое око укрѣиъленное дерзновеніе
къ вамъ возноситеиъ ! О воинство небес-
ное , даждь силу нашимъ упомяннымъ
шпопамъ направлать безшрудно шези
чрезъ жестокіе камни , высокія горы и
чрезъ проспранныя пустыни !

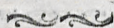
Въ шощъ самый часъ во всемъ Егип-
тѣ между двумя морями ошъ лѣвья къ
правой шпанѣ , обоженные и славные
исшуканы , со всіми смершоносными
жерш-

жертвенниками Асны, Фарія и Мемфиса Божеспвы, образъ непобѣдимаго Грека съ Фивскимъ храмомъ опроверглися. Анубисъ замолкъ, и Озирисъ и Изисъ купно съ онымъ упавъ, преобразилися во прахъ и пепелъ.

Подобно, какъ во мракѣ ночи собору ташей и убивцевъ, бѣгущихъ съ нохищеннымъ сокровищемъ, незапно предстанеть великій свѣтъ; или какъ совы и лѣпучія мыши, увидя багрѣющую зарю, и свѣта не терпя, со ужасомъ и воплемъ ошлешаютъ во мрачныя пропасти.

Такъ предъ истиннымъ Богомъ исчезли лживые боги. Уже отъ ихъ ложныхъ предсказаній, желашели о предбудущемъ вѣдать, ни какихъ отвѣстовъ не могли получать; наполненные страхомъ жрецы собирали каменные остатки сокрушенныхъ боговъ, оплакивали опроверженіе оныхъ.

Отъ сего времени мгла суевѣрія разсѣялась; служеніе истинному Богу наполнило жаромъ правовѣрныхъ, и въ ихъ сердцахъ поставило свой престолъ. Между тѣмъ Божеспвенные соупники, препровождаемые Ангелами, отъ ярости и

деспи Іудейскаго мучителя уже далѣе
ки были.

Однако и на дикихъ пустыняхъ
ихъ страхъ еще не оставлялъ. Ни Фи-
вы, сей славный и пространный градъ,
огражденный высокими стѣнами, въ ко-
торыхъ сто воротъ, ни Термополь не
казался имъ быти довольно безопаснымъ
убѣжищемъ; и такъ оставя Сіену по-
зади, ониправились въ Мемфисъ, въ самую
внутренность Египта.

Тамъ остановился старецъ со Мла-
денцемъ и со Обручницею, во ожиданіи
иннаго во сновидѣніи повѣленія отъ Бога,
извлекаго его изъ опечесства. Древній
другъ его принялъ въ свою хижину,
гдѣ дряхлыя его руки пріявъ сѣкиру,
рѣзаніемъ древа уже почти забвенное
искусиво возобновили.

Хотя онъ былъ Текшонъ; но зна-
ніе его простиралося даже до искусна-
го изваянія и рѣзбы изъ золота, серебра,
древа и слоновья кости разлнзныхъ
представленій. Бѣдность, принудя пе-
щися о снисканіи пропитанія, изосприла
его старостию прищупленные чувства;
нищета и нужда, сіи великіе учителя
человѣковъ, посредствомъ неусыпнаго
прилѣжанія часто открывающъ сокрови-
ща премудрости.

При-

Пріявъ Тебеное древо и твердые кедры, изображалъ искусно на нихъ поколенія Птолемея великолѣпія; фанарь освѣщающій пловцовъ, гробницы Царей, ложе великаго Нила и его плодородіе, наконецъ все, что Египетъ чудеснаго въ себѣ включаетъ, начерпавая, трудами приобрѣталъ пропитаніе.

Его работа прославляя, изходила изъ Египта и въ чуждые края, и его трудолюбивая рука наполня жилище всѣмъ, умѣла и предбудущія злключенія отвратить, снабдивъ избыточно потребнымъ къ незапой нуждѣ, и питала и Младенца небснаго и Божественную свою Обручницу.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ПѢСНИ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТІЯ ПѢСНИ

Иродъ съ пысоты чертогоубъ спомъхъ пираетъ на немилосердное убіеніе младенцевъ. Толпы убищевъ простию дыша возносятъ острые мечи, рубятъ, рѣжутъ, колютъ, дапятъ и раздробляютъ непинныхъ. Матери чувствую раны волѣзненныя спомъхъ дѣтей, инныя стонаютъ, инныя безчувственны падаютъ на окропаленныхъ; жестокосердые тиранны, не допольствуясь погубелію младенцевъ, попираютъ отъ злобы члены оныхъ ногами.

ПѢСНЬ III.

Ахъ! почто мой глаголь не можеть, подобяся острымъ мечамъ, разиши, что бы въ нѣжныхъ сердцахъ расправиль раны сожалѣнія? По что слабое мое перо, которое при воспоминаніи ужаснаго злодѣянія отъ ужаса изъ рукъ выпадаетъ. Не можеть и Аршинъ, подражая твоей живошворящей кисти, живо изобразить Іудейскихъ спрдаальцевъ горешное злоключеніе?

Твоею

Твоею одушевляющею рукою, которая холстну даетъ жизнь; швоею рукою и доннѣ кровь невинныхъ лѣпится; я слышу ихъ стenanіe и вопль; я вижу ихъ прeпeтѣ и мученіe, швоею рукою изображенное. Тиранѣ сѣ убійцами своими еще мнѣ мечтается яроспейнѣ и алчeнѣ крови; о! еспѣлибѣ сила красокѣ швоихѣ могла прейти вѣ мое перо, и писаніe мое сѣ швоимѣ изображеніемѣ сравнилось!

Ужe заря выходитѣ, и оплакивая погибель Израильскихѣ сыновѣ, сыплeтѣ не росу, но кровавыя капли на лиліи и розы. Багряновидными и молнію раждающими тучами обѣяшый день скрывается подѣ завѣсою ноши; солнце, явля мупный зракѣ, кажется будто назападѣ склоняется.

Бѣгите матери, и взявѣ дражайшіe залoги вашей нѣжности, скрываетеся вѣ безопасныхѣ убѣжищахѣ; зрите на погибель вашу вооруженныя полпы презлбонныхѣ убивцевѣ; воззрите на обнаженные сверкающіe мечи; ужe я слышу крикѣ и вопль; ужe я вижу на образѣ вашемѣ то, что ваши сердца отѣ ужаса каменѣютѣ, и кровь вѣ вашихѣ жилахѣ жадѣетѣ. Бѣгите несчастныe матери!

Въ Внелѣмѣ среди града на спу столпахъ возносился къ небесамъ зданіе, на подобіе круглаго храма воздвигнутое; которое древле устроилъ себѣ въ жилищѣ единъ изъ Хананейскихъ Царей, положившій основаніе Іерусалиму.

Не на открытомъ мѣстѣ хотѣлъ пиранинъ видѣть кровавое позорище; и для того сіе зданіе, куда свѣтъ съ нуждою входитъ, избралъ спокойнымъ и надежнымъ мѣстомъ для зрѣнія; взошедъ на высоту, какъ судія и зритель, хочетъ онъ присуществовать при разнообразномъ убіеніи, и насытитъ свирѣпое око видѣніемъ кровавыхъ рѣкъ.

Можетъ быть, мучитель хотѣлъ шѣмъ опѣ небесъ закрыть свое злодѣйское коварство; но не ушайлъ онъ его опѣ васъ, о Ангели! которые все по видѣли, и видя оплакивали; вы, которые сами съ превьспреннихъ стремилися опирашъ некую изъ ранъ невинныхъ кровь, и багряницею ея украшали ваши блистающія ризы.

Лишь только упреннй свѣтъ блеснулъ; уже къ стѣнамъ сего зданія несчетное множество женъ опѣ всѣхъ споронъ спекается; видяшъ онъ вооружен-

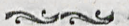
НЫМИ

ными воинами себя окруженныхъ, и духъ робкой ихъ, симъ страннымъ видѣніемъ изумленный, отъ ужаса шрепещетъ.

Послѣдуя Царскому повелѣнію, влекли они съ собою чадъ, изъ копорыхъ ни одинъ еще ни слабыхъ хотъ, ни языка совершеннаго употребленія не зналъ; инный изломанныя и невразумительныя слова, играя, произносишь; инный дрожащею ногою снупая, на каждомъ шагѣ колебляся, упадаешъ.

Лишь только несчастныя жѣны увидѣли себя въ одѣянномъ желѣзомъ кругѣ убивцевъ заключенныхъ, оцѣпенѣли, и вдругъ подобно подавленнымъ цвѣтамъ, цвѣты ихъ лицъ измѣнились, и покрылись мертвою блѣдностію; младенцы, примѣтя ужасъ матерей, подѣмлютъ плачь и крикъ, инный къ сосцамъ пашающимъ его прижимается, инный обѣмлетъ нѣжными руками выю, инный подъ покровъ, инный въ одежду матери скрывается.

Въ сіе время Иродъ стоитъ на возвышенномъ прешолѣ, одѣянъ въ багряницу, имѣя на главѣ вѣнецъ сіяющій драгоценными камнями. Блистающая броня покрываетъ и грудь его и хребетъ;

бешѣ; но алчущаго крови плачущихъ младенцевъ, не столько порфира и злапо веселитъ, какъ видѣніе гошовыхъ на пораженіе мечей.

Какъ хищный ястребъ, когда онъ съ высоты на горлицъ взираетъ, изощряетъ сильныя свои когти: тако ширанъ простираетъ лютое око на блѣдныхъ матерей и уstraшенныхъ чадъ, и даетъ знакъ, чмо бы звучная труба возгласила погибель оныхъ.

Предвозвѣстникъ бѣдствія подъявъ на хрестѣ висящее, ободряющее къ погибели орудіе, приставилъ отверстіе его къ отверстію устъ своихъ, и раздувъ дебѣлыя лампы, сильное дыханіе впускаетъ въ извинутую пустошу трубы, прясая весь воздухъ приводитъ въ движеніе, и наполняя пустошу гремящимъ гласомъ и прескомъ, пронзаетъ небеса.

Лишь только гласъ трубы былъ услышанъ, какъ пысящи мечей блеснувъ на пораженіе спремаяся, и кровь рѣками ліется. Вопль матерей, крикъ младенцевъ и звукъ оружія весь воздухъ колеблютъ, шамъ шолпа ярыхъ убивцевъ скрежещеть, здѣсь изъязвленные стенають.

Инный лишь только сталъ дышать, и первое его сіе дыханіе уже послѣднимъ было; инный уже горестъ смерти вкушаетъ, не испытавъ еще, что есть сладость жизни; koliko шаковыхъ, которые лишь только узрѣли свѣтъ, и въ мигъ въ вѣчную тѣнь низходящъ! Колько шаковыхъ, которые еще не успѣли исцѣлиться отъ болѣзни рожденія, уже болѣзни смерти вкушаютъ!

О, жалостное и ужасное зрѣлище! бѣгушъ въ смятеніи, не вѣдая куда, со чадами матери разсыпанные по чертогамъ; отъ вопля ихъ шрепещущъ и слѣсны и своды дома; кажется, каменные столпы и испуканы, обрызганные кровію и орошенные слезами, умяхчая жалостію, сами слезы испочающъ.

Возвѣщу чудеса; сіи бездушные исполины, ужасомъ оживошворенные, отъ окровавленныхъ убившвенныхъ мечей лице свое отвращающъ; опчаянныя матери толико слезъ проливая, мѣшали ихъ съ кровію своихъ младенцевъ; казалось, что кровь сама отъ страха блѣднѣя, текла ручьями, какъ вода.

Отъ звука мечей шрясется сіе огромное зданіе. О зданіе ужасное и смертоносное! гнѣздо разбойниковъ! Ты видишъ

видишь злодѣйствіе, и видя не падешь! почему закрываешь несмысленныхъ убийцевъ? но можешь быть для повода ты не упадешь, чтобы видѣніемъ лютейшаго беззаконія не осквернишь лучей Солнца; о Солнце! не могущее ни плакать, ни спонать отъ сожалѣнія, облекися во мракъ, и не давай злодѣямъ видѣти свѣта.

Блестаніе быстролетящихъ мечей, которые по воздуху какъ молніи сверкаютъ, уже затмилось багряностію крови; стenanіе и вопль, какъ сладостное пѣніе, ухо Иродово восхищаетъ; разнообразныя смерти, какъ прелестное позорище, око его обольщаетъ; изъ бѣдствія народнаго рождаются пиранново увеселеніе.

Алчный ко злату, не столько его желаннымъ лучемъ прельщается, какъ сего кровожаждущее око и свирѣное сердце насыщается видѣніемъ мечей окровавленныхъ. Когда во дни цвѣтущія вѣсны на лугахъ Нимфы и пшеницы поютъ; не столько по другихъ увеселяетъ, какъ Ирода утѣшаютъ спѣвующіе гласы опчальныхъ женъ и умирающихъ чадъ.

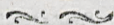

Прекрасная жена, въ очахъ которыхъ и на лицѣ соборъ нѣжностей и пріятностей блистаетъ, украшеніе природы, въ опчаяннѣ видя вознесенный мечъ на сына, съ распрепанными волосами упадетъ къ ногамъ единого изъ рабовъ мучительныхъ, и униженная вѣщаетъ: пронзи мнѣ грудь, но сына спаси, въ немъ жизнь моя! злодѣй съ улыбочкою обѣщаетъ; но въ пошъ же часъ нарушивъ слово терзаетъ младенца.

Убийца и прободая его еще ругается ему. Младенецъ ощущая на слабой выѣ бремя хладнаго желѣза, мучителью своему, яростно изтергшему его изъ рукъ материныхъ, проспираетъ нѣжныя длани, и за лютое шерзаніе плашитъ ему лобзаніемъ невинныхъ устъ своихъ.

Какъ юница видящая юнца своего, еще пипаемаго ея сосцами, упавшаго мертва подъ пятою сразившаго его удара; жалостнымъ ревомъ наполняетъ пространныя поля; или, какъ соловей, котораго гнѣздо въ тѣнистой зелени жестокая рука разоряя, отъземлетъ чадъ, препенущимъ и жалкимъ гласомъ колеблетъ воздухъ.

Подобно такъ сія несчастная жена, споная падаетъ на убійнаго сына; она

очи съ очами, уста съ его устами смыкаешъ, и текущими изъ самыя середины сердца слезами омываетъ кровавыя его раны, измѣряя шоками слезъ своихъ потоки его крови.

Въ инномъ мѣстѣ, о страхъ! видно, какъ съ единымъ изъ убийцевъ борется опчаянная мать; она крѣпко емлетъ сына своего; а шопъ, колико силы имѣетъ, влечетъ его; мать держитъ за ноги, а воинъ за руки; она любовію и жалостію пылаетъ, а шопъ яростію и бѣшенствомъ горитъ; она спонетъ и рыдаетъ; а онъ скрежещетъ зубами и реветъ; но чтожъ по шоль свирѣпомъ бою имъ обоимъ въ добычу доспалось? Единое раздранное чадю.

По что, вопіетъ она, увы! По что ты меня съ моимъ рожденіемъ разлучашъ? Съ какимъ раченіемъ я его воспитала и возроспила? Жестокой! а ты ево умерщляешъ! онъ шѣла моего часъ, онъ часъ меня самыя; а ты, о варваръ! моему мученію смѣшся! или миѣ можешъ во шпыдѣ вмѣнисься, когда я шо, что съ болѣзнію родила, безмѣрно люблю.

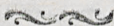
Туби злодѣй сына, но туби и мать его, и безъ него не оставляй
мнѣ

миѢ жизни; вонзи миѢ вѢ грудь свой
острый мечъ; шигрѢ, алчущій крови!
шпы изѢ меня больше крови извлечешѢ;
напейся оныя вѢ сытѡсть; соедини насѢ
смершю; я больше ни чего не прошу,
и не желаю; и сего жаду онѢ злѡбы
швоея; когда онѢ вѢ чемѢ виновенѢ,
не онѢ, но я шому виною; онѢ безѢ
меня не можешѢ быть преступникѢ;
рази и умершви меня.

Жестокой! кого ищешѢ, и за что вѢ
люпомѢ исканіи своемѢ карашѢ шѢхѢ,
копорые шѢбѢ ничего не сдѢлали? О,
Ты спасеніе наше, ошмсни невинныхѢ
кровь, Искупилель обѢщанный прінди,
вооружи спрашную Твою десницу мол-
ніею, да воспрепещѢ яростный про-
лишель всея нашей крови!

Тако жалостно спенала сражающа-
я жена; но между шѢмѢ часѢ ош-
поргнушая ея младенца упадаешѢ кѢ ея
ногамѢ, а другая ошпаешѢ вѢ ея рукахѢ;
и такѢ жалостѢ ея содѢлала жестокою.
ВоинѢ, котораго вѢ человѢческомѢ шѢ-
лѢ была шигрова душа, шопчетѢ нога-
ми шрупѢ младенца, жалѢя, что по
мѢрѢ ярости его шѢло было мало.

НашествіемѢ сея незапныя ужасныя
бури изумленные машери видяшѢ ко-
варную

варную измѣну и не слыханную лютость; но причины оныя постигнушь не могутъ; и не столько своея, колико чадъ своихъ погибели боятся; каждая хощетъ, держа возлюбленное бремя на рукахъ, купно съ нимъ лишиться жизни.

Единою изъ оныхъ горестъ полико овладѣла; что, наполненная гнѣвомъ пребиваешся сквозь лѣсъ обнаженныхъ мечей, и въ опчаяніи вѣщаетъ Царю; Тиранъ, за что ожесточился ты на вѣрныхъ своихъ подданныхъ? Но я надѣюсь скоро видѣть надъ побѣю опмищеніе Всевышняго: когда Онъ взираетъ на спраданіе невинныхъ, и приклоняетъ ухо къ нашимъ жадобамъ, то кинетъ громъ на тебя.

Еще младая и прелестная жена ведетъ рукою нѣжнаго и прекраснаго на слабыхъ ногахъ препенущаго сына, кажется, будто ето Цитерская богиня, а то Ерошъ, но вдругъ имъ предспааетъ ужасный воскормленникъ Марсовъ, и чета прекрасная переспаетъ бышь пѣмъ, чѣмъ она предспавлялася; ибо Марсовъ рабъ не дерзнулъ бы огорчить Венеры погибелію ея сына.

Ржавое желѣзо покрываетъ и главу и все шѣло убившвеннаго воина; десница

нища его вооружена спрашною сѣкирою; щетиною дикаго кабана окружены опшвершья злобою успа, изъ конхъ видны два широкіе и оспрые зуба.

Нещасная рыдаеть; но онъ ея спенанію не внемлетъ, безжалоспно изъ рукъ ея вырываетъ прекраснаго сына, сіе подобіе Купидона, единое ушѣшеніе ея очей, душу ея души. Шапаяся на слабыхъ ногахъ младенецъ ступаетъ, но варваръ и путь его и жизнь единымъ ударомъ пресѣкаетъ.

Разитъ и умерщляетъ, и изъ всѣхъ жилъ несовершенно укрѣпленныхъ кровь, какъ мелкій дождь, роситъ, и изъ прекрасныя шемницы юная душа вылетаетъ; малое его шѣло великую рану едва вмѣспити могло; убивспвенный ножъ былъ болѣе членовъ младенца.

Мать подѣмлетъ дражайшіе кровавые оспашки, прижимаетъ ко груди, и попоками теплыхъ слезъ согрѣвая, омываетъ охладѣвшіе члены сего, прежде ей полико любезнаго бремья; мертвая блѣдность, покрывъ ея лице, сравняла ее съ мершвымъ сыномъ, и шолько лишь по однимъ попокамъ слезъ ея можио было видѣть, что она жива.

Недалеко отъ сей была еще нещасная жена, которая, изъ прекраснаго своего шѣла содѣлавъ щипъ, отъ сына отпращала смерть; но грозный и жестокосердый воинъ, отплевая за мигкія власы, свирѣпою и люпою рукою вырываетъ главы ея украшеніе.

Какъ Гедера вѣтся вокругъ жезла, тако она вокругъ сына обвивается; но варваръ, хвашивъ крѣпкою рукою за нуту младенца, испоргаетъ, и какъ пращъ, обративъ шрижды во кругъ главы, съ сильнаго размаха бросивъ на камень ближнія стѣны, раздробляетъ.

Младенецъ, не достигнувъ стѣны, отъ ужаса смертельный ударъ смертію еще на воздухъ предъупреждаетъ; всѣ кости его были на мѣлкія части раздроблены; изъ устъ и изъ ноздрей его истекала мзгъ, смѣшенный съ кровію.

Еще свирѣпостію не довольный злодѣй попираетъ младенца ногами; жена, въ неизреченной горести подъявъ длани на небо, вопіетъ: не удивляюсь, о Господи! что въ сердцѣ челоуковъ шолікая кровожаждущая люшность вмѣщается; но шому, о Царь Небесный! дивлюся, что Ты, наше бѣдшвіе видя, шерпишь поруганіе злодѣевъ.

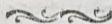
Ище

Еще былъ недалеко убійца, страшенъ одбѣніемъ, лютъ и видомъ; на дикихъ Луканскихъ горахъ нѣтъ такихъ ужасныхъ звѣрей; рука его для перзанія человѣковъ была вооружена ужасною сѣкирою, которою онъ прежде въ лѣсахъ великія дерева посѣкалъ.

Сей обращаясь къ единому изъ младенцевъ, лежащему у сосцевъ матери, которая его пишала жизненнымъ сокомъ, реветъ: себя, котораго она столько любила, вырываю я изъ рукъ ея, чтобъ изъ шѣла своего изпоргнуть внутрення, дабы она, зря оныя, свои душе любиши могла; онъ рекъ, и емлетъ сына, мать противилась, но злоба его шѣмъ лишь больше усугубляется.

И что можетъ слабая жема пропиву вооруженныя ярости? Спрахъ заставляетъ ее сына своего себѣ сдѣлать щитомъ; но любовь паки отпоргаетъ руку ея: сомнѣнна и пренебрегающа, то сына собою, то себя сыномъ защищаетъ; но вдругъ безчеловѣчный ударъ и жизнь младенца и ея сомнѣніе пресекаетъ.

Варваръ поразивъ сына, и не насыщенъ единою смертію, грудь женѣ прободаетъ, и умирающаго младенца, вторично его умерщвляетъ: когда остріе

сердце его пронзало, тогда онъ еще любовію матери оживлялся. Злодѣй дважды, ее лишилъ души, единожды на рукахъ, а впрочномъ въ ея собственной груди.

Индѣ бѣснующійся воинъ возноситъ оружіе, чтобы жалостно вопіющую жену лишить сына; но опчаянная мать, нападъ на любаго, шertzаетъ его и ногтями и зубами, и вырываетъ мечъ изъ рукъ его.

Нѣтъ, мыслишь она сама въ себѣ; нѣтъ, никогда того не будешь, чтобы сей младенецъ, моя единая опрада, тусною рукою былъ пораженъ; чтобы злодѣй шоржесшвовалъ надъ нимъ; пускай та, которая тебя своимъ млекоу лишила, и кровь швою проліетъ. Мучители! смотрите, и я, забывъ то, что я мать, могу подобно вамъ быть убійцею.

Въ единое мгновение ока, сія новая Медея, плодъ чрева своего своею рукою на полы разрубивъ, бросаетъ въ глаза смѣющемуся злодѣю; насышься, говоришь, и отъ опчаянныхъ матерей Еврейскихъ научись противу собственныхъ чадъ ожесшочатися; насышься злодѣй! и послѣ сего свою пронзаетъ грудь.

Еще

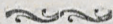

Еще сѣдятъ двѣ матери, единая однимъ, другая двумя порожденіями обогащенные; страхъ шодико ихъ чувства обуялъ, что лишенные гласа, на небо возводя очи, лишъ только слезы проливали; къ шой, которая единороднаго своего, прижатого къ груди держала, приходилъ разъяренный и почини обнаженный Іудей.

Изорванная и коропкая краснаго цвѣта одежда едва до колѣна проспиралася, рыжая брада закрывала грудь его, брови его густою и мѣдленовидною щетиною обросли; на очи его безъ гнушенія, ужаса и содроганія нельзя было взирати; и словомъ, онъ былъ человекъ, но казался дикимъ звѣремъ.

Изсякли слезы во очахъ прекрасныя жены, ни вздоха, ни малаго стопа не испуская, поставъ, злодѣю сына вручаешъ; зря нѣжности ея и прелестный и жалостный видъ, съ какимъ она его отдавала, когдабъ злодѣи въ инную спрану не отвратилъ своихъ взоровъ, упадъ бы мечъ его изъ рукъ, и злость бы въ сожалѣніе превратилася.

Но что возможеть красота противу ярости? Онъ острый ножъ извлекаешъ, а нѣжный младенецъ улыбаешъ,

баяся, простираетъ къ нему руки; блестящемъ желѣза обоющенный мнишь, что ему приносится даръ; о даръ, ужасный даръ! невинный младенецъ! по смерти своая жестокое орудіе.

Варваръ ни на что не взирая, въ прелестныя уста, украшенныя нѣжною улыбкою, вознаетъ ножъ; но видя мученіе кончающагося младенца, прогается его спраданіемъ; и какъ крокодилъ, онлакиваетъ то, что онъ поглощаетъ; такъ мучитель проливаетъ слѣзы, однако не долго то продолжалось, и сожалѣніе паки жестокости уснуило.

Обращается жестокосердый ко другой, и хочетъ умертвить обонхъ ея чадъ. Что дѣлать бѣдной? Къ кому прибѣгнуть? Въ сей крайности у кого просить помощи? Сія бѣжитъ, потъ слѣдуетъ за нею, какъ раздраженный волкъ съ разверстымъ зѣвомъ гонится за Агнцемъ.

Съ какимъ раченіемъ Еней обремененный дряхлымъ своимъ родителемъ Анхизомъ и юнымъ сыномъ Иуломъ, прорывался чрезъ развалины, сквозь пепелъ куреніе и пламень; такъ гонимая жена старается спасти своихъ чадъ, обонхъ сыновъ, о пріятное бремя! держа на рукахъ своихъ.

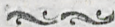
Какад

Какая польза въ томъ несчастной? Она единья напастн избѣгаетъ, а другая ее постигаетъ; какъ пища, избавляясь отъ зѣва пса, впадетъ въ кости ястреба: такъ убійца, пронзая младенца, вонзаетъ остріе во грудь матери, изъ которой онъ еще кажется спокойно пишу извлекаетъ, но на мѣсто млека, кровію уста ево наполняются.

Убійца приближая къ ней съ грознымъ видомъ, и видя другаго младенца, спяща на ея рукахъ, ругаяся съ угрозою вопіетъ: не должно его любящаго и крѣпко себя обѣмлющаго разлучать съ тобою; и что бы на всегда онъ съ тобою шѣсно сопряженъ былъ, я изъ жалости симъ мечемъ васъ обоихъ соединю.

Несчастное дитя, какъ пужливый заяцъ трепеща, скрывается въ покрытыхъ снѣгомъ кустахъ, но къ тому, то къ другому сосцу матери уклоняся, ищетъ спасенія, и въ младенчествѣ понимая блиской часъ смерти, спрашивая ярости убійцы.

Но все тщетно; варваръ остріе возноситъ на него, и ошибкою, о любая ошибка! поразивъ сына, и мать насквозь пронзаетъ; которая съ примкну-

шымъ сыномъ ко груди, съ распростертыми руками шакъ упадесть на землю, что она кажешся крестомъ, а младенецъ повѣшеннымъ на крестѣ.

Съ какимъ восхищеніемъ, о Арпинѣ! взиралъ я на изображеніе предспавленнаго своею живописующею рукою нѣжности, на дланяхъ кофоря и на колыняхъ многія чада играли; шо была прекраснѣйшая изъ всѣхъ жена, власы ея безпорядочно по вѣтрамъ летали, и нѣжная нога была обнажена; опѣ блаженнаго брака произросшія пять цвѣтущихъ вѣтвей, сіе прекрасное древо окружали.

Хотя Царь повелѣлъ приносить однихъ лишь только питающихся млекоу младенцевъ, но въ сію смертоносную пропасть она и старшихъ чадъ привела, опчасти для шово, что она ихъ смертельно любила, а опчасти, что они любя ее равномѣрно, безъ горести ни на часъ не могли съ нею разлучиться.

Старшій сынъ ея, сѣдя учился разбирать буквы; съ великимъ раченіемъ смотря въ книгу, предписаннаго ему чершы Еврейскаго языка накрѣпко влагаетъ онъ въ память; но въ мигъ опсѣченная его глава лепитъ ему на книгу, гдѣ послѣднее его упражненіе начерталось его кровію.

По убіеніи сего спѣшилъ варваръ къ другому, который тогда ялъ яблоко, о яблоко, смертельное и напоенное желчію горести! Убійца ударяетъ его въ то мѣсто, которымъ онъ пріятный плодъ вкушалъ, и младенецъ купно съ яблокомъ и смерть вкушаетъ.

Третій безъ заботы играя, во кругъ скачетъ, не мысля ничего о угрожающемъ ему бѣдствіи; злодѣй незапно подбѣявъ его на воздухъ, на полы шерзаетъ, и смѣясь отходитъ прочь, повергнувъ его окровавленнаго на песокъ.

Увы! оспались у мащери только два, рожденные близнецами, изъ которыхъ одинъ омоченный кровію гоняся за кубаремъ, и не помышляя о предстоящей ему смерти, занимался только одною игрою.

Варваръ, направа ударъ на него, промахнулся, и не попадъ въ него, пронзилъ прибѣгшаго его брата; умри же ты, вопіетъ пирань: неразуміе швое причиною въ шомъ, что моя рука, направленная не на себя, тебя сражаетъ.

Мать оставшагося младенца съ поспѣшностію скрываетъ въ свою одежду; но о невинность! плачемъ и стenanі-

наніемъ открываетъ онъ мѣсто своего убѣжища, и показываетъ себя сокровеннаго въ ризѣ маперьней; почто, увь! почто еще не на училса ты бояться?

Нещасная оставленная жена, единую только горестію оживошворяющаяся, не можетъ ничего болѣе инаго шворить, какъ только слезами облегчать пятому своея шоски: между шѣмъ убійца, услышавъ плачь младенца, отколѣ оной исходилъ, въ шо мѣсто вонзаетъ мечъ свой.

Не съ шакою скоропостижностію ищеть спасенія голубь своимъ пшеницамъ отъ нападенія ястреба, какъ сія защищала оставшагося сына; но все было шщечно; свирѣпый мечъ сокровеннаго въ ея одѣждѣ младенца сразилъ; и онъ лежитъ погребенъ межъ труновъ своихъ брашовъ.

Какъ Ніова, видя чепыренадешать чадъ своихъ свисшящими съ небесъ Феба и Діаны спрѣлами во кругъ себя поверженныхъ, и гиѣмомъ оныхъ и послѣдняго поражена, во изступленіи отъ горести, преобращается во хладный камень.

Такъ нещасная жена, видя части изрубленныхъ своихъ сыновъ, стоимъ блѣдна,

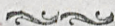
блѣдна , безчувственна , бездыханна и недвижима ; хотя еще не мертва , но кажешся бышь бездушна , и подобна бѣлаго мрамора истукану , кромѣ , что по мѣстамъ кровію чадъ своихъ обгарена .

Наконецъ , жалостя ей силы возвратила , и она спала съ раченіемъ оидѣляя смѣшенныя часпи сихъ возлюбленныхъ и окровавленныхъ остатковъ , что бы предаши , часпи погребенія . Наполненная шоскою собираешъ расбѣянные по песку члены , и совокупаешъ чадъ своихъ .

Омывая слезами запекшуюся оныхъ кровь , вопіешъ : кто поможешъ мнѣ соединити сіи нѣжныя кости , которыхъ видѣніе мое сердце терзаетъ ? Я милосердія здѣсь не вижу , и , ахъ ! яросшію одною и убившвомъ шолько окружена ! зяешъ повсюду смерть , вижу я шолько шрупы , ручьи крови , раздробленные черепы и разтерзанные члены .

Не задолго предъ симъ рачительную рукою , о возлюбленныя чада ! покрывающую васъ одежду , я веселяся , украшала разноцвѣтными шелками ; а нынѣ не шолько сіе одѣяніе , и ваши шѣла разтерзаны мучительною рукою .

Ваши

Ваши ли лица вижу я, которыя
полюкою пріятностію блиспали? И вы-
ли здѣсь, несчастное мое порожденіе!
о жестокія небеса! вопль, плодъ моя
любви! я вижу кровь мою въ ранахъ не-
щаснѣйшихъ сыновъ! я вижу разшер-
занную мою утробу!

О зеркала сердца моего, въ кото-
рыхъ я поль часто соглядалася! свѣтъ
моихъ очей, которыми мое зрѣніе пи-
талася! утѣха, окруженныя пріятностія-
ми, которыми лобзаніями мой духъ
оживлялся! какой дикой звѣрь, или
какое адское чудовище въ вашей крови,
мою кровь пролило!

О бѣдствіе несказанное! ваши раз-
шерзанные члены, когда я къ нимъ
прикасаюся, пуще раздираются въ мо-
ихъ рукахъ! я оплакивая сыновъ, не
знаю, котораго оплакиваю! раздранны,
обезображенны; смертельная синева по-
крываетъ ихъ ланины, подобіе моего
вида на нихъ кровію и ранами помрачено!

Не ты ли потъ, котораго я пре-
ждѣ родила? Но ахъ! близъ себя не
шволя глава лежишь; кто другую на-
мѣсто швоей приложилъ? Дражайшія
и несчастнѣйшія чада! съ вами вся моя
надежда погибла! въ вашихъ очахъ всѣ
мои

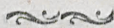

мои радости сокрылися! шумъ ея слезы изсякающъ, шумъ горести опъемлетъ всѣ ея чувства, и прерываетъ гласъ.

Падетъ она падетъ; и дыханіе ея оспановляется, уста смыкаются и око недвижешся; между тѣмъ въ инномъ мѣстѣ гремишъ ужасная шума мечей, и дождь кровавый проливаетъся; блаженъ, кто во время владычества тоголико спрашнаго тирана на свѣтѣ не родился.

О чемъ ты сожалѣши? И чемъ раздражаешися? О грубой свѣтѣ наспомятаго времени! коварство, обманъ и пороки въ тебѣ владычествуютъ; честность и благонаравіе неимѣетъ мѣста; добродѣтель спраждетъ, и возвышенныя души припѣсняются; тогда перзаема и истребляема была и самая невинность.

Уже кровь повсюду рѣками спруишся, повсюду слышенъ только шенящій вопль болѣзненныхъ и скрежетаніе ярости; ужасъ, смерть и убивство повсюду владычествуютъ. Единый Иродъ, смотря на всеобщее спраданіе народа, радуется, восхищаяся воспоргомъ алчности крови; онъ въ сердцѣ похваляетъ каждый ударъ, и каждому пораженію восклицаетъ; и то предстоящимъ

щимъ ему съ веселымъ видомъ указываетъ перстомъ кровь, текущую изъ безчисленныхъ ранъ, по кучи мершвыхъ щиплетъ.

Въ то время, какъ бѣдный народъ отъ ужаса болѣзненно спенаешъ, о злоба неизреченная! Царь, видя оное, во сладости веселія утопаешъ; подобно, какъ змѣя свой ядъ жаромъ солнца усугубляетъ, такъ онъ слезами, спномъ и воплемъ яростнѣе спановишся; уста его пѣняшся, и очи пламенѣющъ; грызешъ губы и скрежещешъ зубами.

Уже Иродъ, оставляя избранное для зрѣлища мѣсто, ближе подходитъ къ убившвенному позорищу, дабы удобнѣе видѣшъ гибель рода человѣческаго. Несмѣтное число побитыхъ и разшерзанныхъ тѣлъ, подобно остатку кораблекрушенія; кровь младенцевъ тихому бѣгряному морю; а пелены и члены обрывкамъ парусовъ и обломкамъ мачтъ.

По холмамъ, покрышымъ тѣлами и улишаннымъ кровію, спупаешъ его варварская нога; видишъ онъ изъ разшворенныхъ ребръ и изможденныхъ главъ лиющуюся кровь, и какъ въ чистыхъ испочникахъ любуяся, спотришся въ ней, и отверстія глубокихъ ранъ мѣришъ своею шيرانскою рукою.

Подоб-

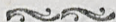
Подобно изъ норы изшедшему съ зелеными криліями дракону, которой при восхожденіи солнца во бластѣ раззѣваетъ свою ужасную пасть, и злопо покрывающихъ его, грязью забрызганныхъ, чешуй ко солнцу проспирая, съ трехъ жалъ своихъ ядъ проливаетъ.

Онѣ видипѣ инныхъ трепещущихъ, изъязвленныхъ при послѣднемъ издыханіи у грудей матерей своихъ; съ раскрытыми сердцами лежащихъ мершвыхъ, и показующихъ свою невинность; ихъ лица омочены слезами жалости и любви.

Инной опрыгаетъ жизненные соки, текущіе изъ его сердца, подобно какъ пробитый корабль, приспавшій ко берегу, извергаетъ воду; инной въ крови утопая, хочетъ плаваніемъ спасти остатокъ живоша, но приплывъ на колѣнахъ матери, какъ въ шихомъ пристанищѣ, кончаетъ жизнь.

Тамъ въ толпѣ скорбящихъ матерей въ опчаяніи, инная біетъ себя во грудь, инная раздираетъ лице, инная шерзаетъ власы, спенаютъ а не воздыхаютъ; ревушъ а не плачутъ; инной грудь, какъ огонь извергающая гора; инной очи, какъ рѣка; инная жалуется

на

на Царя , инная на небеса , что горестей ихъ смертію не кончатъ.

Инная близъ мертвого своего сына лежишь безгласна , бездыханна , изнемогши отъ въздыханій и плавающая въ слезахъ ; инная , что бы утѣшишися , подвемлешь уже издыхающаго сына ; и сомкнувъ уста съ его устами , послѣднимъ лобзаніями извлекаешь въ себя его оплешающій духъ .

Инная , собравъ разбѣянные члены блѣднаго шѣла , ко груди наполенной тоскою крѣпко прижимаетъ , все седрце ея съ слѣзами на него испекаетъ , вся душа къ нему въздыханіями вылетаетъ ; и она ему гробъ на сосцахъ своихъ готовитъ .

Иродъ взирая во всѣ спраны упомился , но не насытился зрѣніемъ ; онъ хочетъ изпоощенія свои силы укрѣпить банею крови ; уже кровь , преждѣ шумящая потоками , нынѣ преобразилася въ тихое и мертвое озеро , которое только оставшіеся умирающіе послѣдними въздыханіями легко колебали .

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯ ПѢСНИ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТЫЯ ПѢСНИ.

По повелѣнію Ирода Малекъ укипаетъ еще множество младенцевъ. Иродова жена на уѣиномъ споемъ сынъ умираетъ, и самъ онъ приходитъ въ отчаяніе; отъ чего Еврейскій пѣснопѣецъ отперзаетъ уста, и позхищаетъ песліемъ дрепникъ праотцевъ. Лики повѣнннхъ младенцевъ, позшедшихъ на невеса, распростираютъ радостныя крылія.

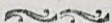
ПѢСНЬ IV.

Послѣ покрышаго мглою и мракомъ печальнаго дня, наступила печальная ночь; казалось, будто бы облекшися въ черныя ризы, она разтерзанныхъ младенцевъ погребаешъ; раждая шумливый дождь, кажешся, оныхъ оплакиваешъ. На мѣсто грома былъ ихъ стонъ, на мѣсто вихрей ихъ воздыханіе.

Иродъ возвратился въ свои чертоги доволенъ; но удовольствіе его еще было не совершенно; какъ огонь ослабшій подъ пепломъ скрываетъ свой жаръ, такъ онъ свою ярость кипящую въ жилахъ

Ж

скры-

скрываетъ. Онъ мыслями превожитъся, и сомнѣніемъ колеблется, что не остался ли какой младенецъ опъ него сокрытый.

Призываетъ, Малекха; опъ начала свѣта, такого варвара ни между дикими звѣрями, ни между пипающимися плотію человѣческою Лестригонами никогда невидано. Сей родомъ Гевсипянинъ, воспитанный кровію посреди разбойниковъ и хищныхъ звѣрей, самъ здѣлался звѣремъ, онъ видомъ шолико спрашенъ, что, естли бы ужасъ имѣлъ плоть, по конечно бы ему былъ равнообразенъ.

Вся глава его, изключая виски и нѣкоморую часть браны, опъ власовъ обнажена; брови его щепинисты, челюсти лишены прехъ зубовъ, носъ расплющенъ, онъ глазъ одинъ потерялъ въ несчастливомъ сраженіи, а изъ другаго бросалъ ярый и дикіи взоръ.

Поди, вѣщаетъ Иродъ ему, поди, и со всякимъ раченіемъ разсмотри съ шолпою воиновъ своихъ, не скрытъ ли гдѣ какой младенецъ? И естли ли найдешъ, срази и поступи, какъ ты пріобыкъ. Исполнено будешъ швое повелѣніе, опъшшсзвуетъ злодѣй; и меня шеперь лишъ шолько шо огорчаетъ, что я, будучи

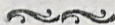
будучи безплоденъ не могу въ жертву тебѣ принести чадъ своихъ.

Лишь только Иродъ, мыслящій потомству оставилъ страшный примѣръ ярости своея, сіе повелѣлъ, уже Малекхъ, достойный рабъ свирѣпаго Царя, выводитъ на кровопролитія толпу ужасныхъ убійцъ, подобныхъ лютошпію своему предводителю.

Подобно когда по знойномъ времени лѣта пришедъ Аспрея прекрасная на равновѣсіи спавилъ годъ; умѣренными солнца лучами во зрѣлоспъ приводитъ плоды, и жаркіе дни прохладаетъ, и полна саранчи къ пожранію овощей прилѣпаетъ; тогда прискорбный земледѣлецъ издали примѣшивъ оную въздыхаетъ, и оплакиваетъ утрату своихъ виноградовъ.

Тако толпа убійцъ, разсѣявшись повсюду, гдѣ только находилъ младенца, оставляетъ по себѣ кровавыя слезы. Не было ни дома, ни хижины, ошкелъ бы стенаніе и вопль не производили; подобно реву обуреваемого моря весь градъ наполненъ рыданіемъ матерей и воплемъ младенцевъ.

Кажется, что Виелѣмъ поправъ рукою сильнаго супоспаша, его высокія

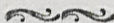
спѣны разрушены, и воины вражескіе убившвеннымъ воплемъ его жилища наполняющъ. Бій во перси, онъ плавае въ елезяхъ, и на небо поль громогласныя жалобы возсылае, что оныя съ холмомъ Раммы услышати возможно.

Какъ классы подъ оспріемъ серпа, какъ цвѣпы подъ пягошою плуга падушъ, тако пораженные младенцы близъ ошчаянныхъ машерей лежащъ; повсюду сверкающъ оспрые мечи, повсюду кровь ліется рѣками, и народъ нещасливый во ономъ ужасѣ, кромѣ смерти, иного спасенія себѣ найти не можещъ.

По опустошеніи многихъ домовъ, Малекхъ врывается въ небольшую хижину; онъ видитъ двухъ младенцевъ близъ единыя жены лежащихъ, одинъ на лонѣ машери вкушаетъ сладкій сонъ, а другою у ногъ ея въ колыбели; она сѣдя воспѣвала шихую пѣснь наводящую сонъ чадамъ ея, качая обоихъ; лежащій на колѣняхъ сосалъ ея млеко, но болѣе еще възпринималъ изъустъ ея добзаний.

Лишь полько ногу внесъ злодѣй, спѣшивъ ко спящему, и подбѣвъ ужасный ревъ, возбуждаетъ младенца своимъ грозящимъ гласомъ; и спрашнымъ своимъ мечемъ ввергаетъ его въ вѣчныйсонъ. Симъ,
оный

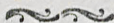
оный люшый мучипель доказалъ , сколько близокъ есть сонъ отъ смерти.

Свершивъ убивство обращаетъ острое железо на лежащаго у груди , и поражаетъ его съ пыла такъ , что мечъ выходитъ во уста ; младенецъ пищу опрыгаетъ , и душа его плаваетъ во млѣкѣ смѣшенномъ съ кровію ; убійца вдавляетъ остріе , и языкъ сына къ сосцамъ матери желѣзомъ прилѣпляется.

Къ несчастію еще сія жена носила во чревѣ несовершенный плодъ , ударъ , поразивъ сосущаго , пронзилъ и незрѣвшаго и содѣлалъ ему гробъ во утробѣ матери. Кто видѣлъ когда столько страшный ударъ , кошорымъ бы шрое вдругъ лишился жизни.

По семъ спремился онъ въ другія мѣста , и находилъ жену знаменитаго рода , кошорая не давно обрѣзанному младенцу старается издѣлать рану ; подбѣавъ вооруженную руку вонзилъ мечъ въ то мѣсто , гдѣ мать кровь опирала , и такъ къ ранѣ содѣянной закономъ , его сильная рука присоединяетъ рану смертную .

Мать , наполненная ужасомъ , сыну уже умирающему , чтобъ оживить его , проспираетъ грудь , но онъ на лонъ ея

съ кровію своею изрыгаетъ матерныя млеко; мать бледнѣя, на сына проливаетъ кровь его въ потокахъ слезъ своихъ, и омываетъ ее лѣющуюся по сосцамъ ея.

По совершеніи злодѣйства стремишься онъ въ наисокровеннѣйшіе чертоги, холсты, шерсть и все домашніе наряды перебирая ищешь, нѣтъ ли въ нихъ сокрытыхъ младенцевъ; находишь наконецъ двухъ на маломъ одрѣ не давно родшихся, во всемъ взаимно другъ на друга похожихъ, подобно какъ небесныхъ близнецовъ.

Сія, во всемъ равная и худо сохранныя чета, была не одинакого пола, въ ихъ шѣлесалѣ былъ единый духъ, и въ ихъ сердцахъ единая жизнь; сіи вкупѣ лежащіе младенцы, были пакъ сходны, какъ Янова раздѣленная глава; они одинаго лица были, и единый одрѣ ихъ содержалъ.

Малекъ сей сугубой единицы союзъ разорвавъ восклицаетъ: блаженная чета! да соединишь васъ и во гробѣ паже любовь, которая васъ совокупляла въ жизни; вамъ, другъ на друга толико сходнымъ, не должно разлучиться, вы вкупѣ пришли на свѣтъ, вкупѣ и изыдите изъ него.

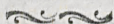
Сказавъ

Сказавъ сіе; пріемлетъ перваго, и смѣльною рукою изъ окна извергаетъ; куда со свѣшомъ впекаетъ вмѣстѣ и воздухъ; другаго ногою спалкиваетъ съ изсѣченныя изъ камня лѣспвицы, такъ, что шло его на каждой ступени платитъ кровавую дань.

Казалось, что каждый младенецъ въ своемъ спенаніи воспѣваетъ по другому надгробную пѣснь; подобно, какъ прививокъ древа на двое разрѣзанъ, такъ они, другъ по другъ изнемогая, умираютъ, и хощя еще безпорочны, но пріемлютъ наказаніе прелюбодѣянія, и въ первыхъ и послѣднихъ часахъ едино чрево, единый одръ и единый гробъ ихъ сопрягаетъ.

Послѣ сего пришекъ онъ къ одной прекрасной женѣ, кошорая, какъ спражю и сошоварищницею у двухъ отроковъ была. Единъ лежа въ колыбели игралъ, а другой въ сосудѣ наполненномъ водою плескался. Единъ улыбался, а другой спалъ плакать, оба они рождены отъ единого отца, но отъ разныхъ матерей.

Нещасная жена видитъ идущаго убійцу; изумленная симъ незпымъ нападеніемъ, оспавляетъ пасынка, и взявъ

своего сына препенуща съ онымъ спѣшишь; но вдругъ пресѣкаетъ бѣгство побуждаема хотя не мапернею любовію, но челоуѣколюбіемъ.

Съ плодомъ чрева своего, она возвращается, чшобы спасти пасынка, о безумная! шого, котораго она уже почти спала, убившвенная рука поражаетъ; и Малекхъ съ Варравою, наказавъ ее безразсудность, въ очахъ ея содѣлали одному одръ сна одромъ смерти, а другому сосудъ наполненный водою гробомъ.

Жена, наполненная горести и опчаянія, препенущетъ сердцемъ, и въ лицѣ измѣняется; ноги ея опъ ужаса подкосились, она упадетъ на землю, и опъ горести умираетъ. Единый младенецъ подавляемъ собшвенными пелѣнами согбается, препенущетъ, и издыхаетъ; другой въ водѣ пораженный въ крови и въ слезахъ плавая утопаетъ.

Бъ инное мѣсто приходишь варваръ, гдѣ множество несчастныхъ женъ сполпилось; изъ коихъ одна, едва вкусила нѣжности дражайшаго ей брака, потчасъ лишилась супруга своего; она родила вдругъ чешырехъ чадъ, и въ томъ же годѣ съ мужемъ потерявъ дѣшей осталася жена, вдовица, мать и безъ наслѣдниковъ. Не-

Немилосердый Малекхъ схватилъ двухъ опроковъ, одинаго за ногу, другаго за руку; одного бросаетъ въ близъ разведенный огонь, а другаго ногою на камни раздавляетъ; прешьяго повѣсилъ на столпъ, а чешвертаго вокладеть низринулъ; и такъ разнообразно ихъ спрадающихъ каждого особая стихія погубила.

Кто можетъ изчислить различныя способы, которыми тогда смерть торжествовала? Тамъ глава опдѣленная опъ шѣла, здѣсь општоргнутая опъ плеча рука, одинъ давя младенца стираетъ прубы горшани; другой осприемъ пронзаетъ прешущее сердце, все ужасомъ и яросшію окружено, со Фуриєю бѣшенство повсюду рыщетъ.

Выями, руками и шрупами младенцевъ всѣ улицы были усѣяны; главы валялися, опчаспи мечами ссѣченные, опчаспи руками раздробленные и ногами раздавленные; ярось, взирая на бѣшенство свое, сама собою гнушалася; но для того своего пламени не утотляла, что тнушеніе расправляло желчію ядъ ея.

Уже утро показалось и зланный солнца лучъ близокъ былъ. Небеса свой свѣтъ со шѣнію мѣшая день съ ношцію сопрягали. Иродъ мучишся, медленность

его воспламеняешъ , и жало подозрѣнія еще прободаетъ грудь его. Воспрянувъ , возлагаетъ Царскую багряницу и златый приемлетъ скипетръ.

Онъ слышитъ незаметнымъ воплемъ и спенаніемъ всѣ свои чертоги наполнены ; робовъ жалобный гласъ и рабынъ біеніе въ перси внемлетъ , и что видитъ наконецъ ? Се приходитъ съ поспѣшностію несчастливый вѣстникъ , бледенъ лицомъ , и черною кровію обатренъ , онъ упомленія задыхаяся , уклоняется предъ Царемъ и вѣщаетъ ему шако.

Я гнѣва швоего , Государь ! недостойное орудія , копорый вчера съ прочими на убіеніе младенцевъ швое Царское повелѣніе получилъ ; а нынѣ прихожу печальнымъ посланникомъ. Съ какимъ раченіемъ швоя воля была исполняема , то нынѣ обстоятельно неудобно повѣдашъ ; но я моего усердія къ тебѣ оказашъ ни малѣйшаго случая не пропускалъ.

Мы вкупѣ всѣ спѣшили за Царскимъ знаменіемъ швоимъ ; какъ скоро побоею приказано , Малекхъ былъ нашимъ вождемъ , и мы съ великимъ жаромъ ревности послѣдовали слову швоему , между нами были и опшцы , копорые тебѣ оказывали свою вѣрносць погибелію чадъ

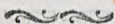
чадѣ своихъ; мы пихо шеспвовали подѣ покровомѣ шемношты ношныя и ужаса.

Незапно площадьъ была занята, и въ единое мгновеніе ока со всѣхъ сторонѣ окружена, лучшими воинами врага захвачены, что бѣ никшо спасшся не могѣ, по повелѣнію нашего начальника, скрежещущій гласѣ яркія шрубы восклицаетѣ.

Слѣдуй волѣ Царской; по семѣ повелѣваетѣ намѣ модѣ опасеніемѣ ушрапы жизни и имѣнія разсѣяшся по граду и полямѣ для и канія дерзновеннаго преступника, сокрывающаго какого либо младенца, и оскорбляющаго измѣною величештво Царя.

Всѣ единодушно сѣ великимѣ жаромѣ усердіе явя, по разнымѣ мѣстамѣ, во исполненіе сего разсѣялися что бы въ шемношѣ искаши младенцевѣ; да будетѣ вѣдомо шобѣ, что сверхѣ шѣхѣ, которые были умершвлемы еще, сокрышыне въ великомѣ множешствѣ нами найдсны и преданы мечу.

Всемишно слышны шолько были торешсныя вопли, шпенаніе и плачѣ; черпоги обашрены кровію казались бышѣ обипалищемѣ смерти и Марса; шамѣ пелена разшерзанная сѣ членами; шамѣ внушреннія плаваютѣ въ крови, что дѣлалѣ я, о шомѣ умолчу, дѣла шо лучше словѣ являюшѣ. Вѣ

Въ сей день, когда по совершеніи убивствѣ, мы уже на возвращномъ пути были, неслыханное бѣдствіе намъ приключилося; лухшебы было, когда бы швое Царское повелѣніе на сей разѣ не было исполнено, и со всемъ забвенію предано; но естли невѣдѣніемъ какое зло учинишся, по можно ли за то винишь?

Ко исполненію швоего приказанія наши руки были быспры, усердіе наше безмѣрно, ревностно, сердца наши были упоены кровію, воздухъ былъ густъ и мраченъ и очи яростію ослѣплены, сіе уменьшаетъ наше пресупленіе. Посемъ вѣспникъ замолкъ; но Иродъ принудилъ его говорити; вѣспникъ продолжаетъ, а Царь каждое его слово со вниманіемъ выслушиваетъ.

Когда наша полпа, какъ я уже сказалъ, по совершеніи швоей воли возвращалась, незнапно приходитъ хипрый воинъ любимецъ Малекховъ и вѣрный ево лазутчикъ. Онъ сказываетъ, что видѣлъ жену скрывающую двухъ отроковъ въ своей одѣждѣ.

Не далѣко отъ зданія къ шой споронѣ, гдѣ рѣка гору Либанскую отъ швоего верхограда отдѣляетъ, сила враждебная приводитъ насъ къ нѣкимъ
вра-

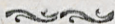
врапамъ. Нашъ предводитель шуда вступаешъ и сквозь разщелины мы видимъ свѣтъ, и слышимъ стѣнящій голосъ.

Тамъ была жена на улицѣ, когорья ужасъ и горестъ изображалися; два младенца съ нею были, одинъ лежалъ на лонѣ ея, а другой на земли; она въ поскѣ своей вѣщала тако; и гласъ ея спенаніемъ перерывался: мой сынъ, о! сынъ любезный! гдѣ скрою я тебя? Въ какихъ пропастяхъ подземныхъ, въ какихъ пучинахъ моря?

Говоряшъ, въ самари были шакія жены, когорья во время глада порожденіе свое пожирали, и въ ушробахъ мапернихъ, изъ нихъ изшедшія шѣла на ки погребали, почшо жъ и миѣ, чшо они ошъ ярости шворили, шого ошъ жалости здѣлани не можно? Могу и я васъ дражайшія мои внутренняя вовнутреннихъ моихъ ошъ злыхъ мучителей спасти.

Дражайшій сынъ, чего бы я изъ любви къ тебѣ сдѣлани не могла; чшобъ жизнь швою спасти, ябъ грудь свою раскрывъ избавилабъ шея моею; я шѣло бы швое во внутренности моеи души сохранила; и ни малобъ не раздумала шея вложитъ въ сердце мое.

Сказавъ

Сказавъ сіе , кладетъ она младенца въ пространную бочѣку , которая была наполнена винограднымъ сокомъ , и еще не совсемъ испражена , и нѣсколько помолчавъ и воздохнувъ вѣщаетъ : тебѣ , дражайшій сосудъ , вручаю я на сохраненіе мое сокровище , мое утѣшеніе и мой покой; бреги его, сокрой и дай ему убѣжище.

Она бы рѣчь еще продолжала , но оную прервалъ входъ и голосъ нашего предводителя , которъй ударивъ во врата , и сокрушивъ верей , входитъ съ ожесточеніемъ. Одинъ младенецъ остаенся въ сосудѣ , а другаго она подбѣвъ , и прижавъ къ груди во ужасѣ спасается бѣгствомъ во внутренніе чертоги .

Тамъ спрячала его ; но лучше бы могла его отъ угрожающей напасти избавить , когдабъ измѣнница открыла намъ , чей сынъ онъ былъ . Но она умышляла , или спаси своего сына , или отомстить за его погибель смертію другаго младенца .

То было чудно , что сей жены никто не могъ узнать ; но страхъ ея лице премѣнилъ , и темнопа еще была пому виною , что мы ее не познали , и сверхъ сего яросшь насъ ослѣпляла .

Между

Между тѣмъ Малекхъ, хотя и зналъ мѣсто, гдѣ младенцы ушаены, но по обыкновению своему, что бѣ больше мучить, хотѣлъ сію жену угрозами принудить, открышь мѣста, гдѣ ея хитрость сохранила чадъ ея.

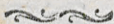
И для того съ яростию простираетъ къ ней руки, терзая ея одежду и власы, вопіетъ: скажи мнѣ злобная жена, въ какихъ мѣстахъ ты двухъ младенцевъ такъ скоро сохранила? А ты, ошвѣстствуешь она, а ты, отъ коего руки кровавый льется дождь, скажи, куда дѣвалъ столькое множество чадъ, утѣшеніе матерей? Ты ищешь только двухъ, а я тысящей ищу.

О естъ ли бы судьба, возлюбленная чада! меня допустила въ сей часъ, васъ въ послѣдніи разъ облобызашъ? Или по крайней мѣрѣ, хотя бы я могла узнать гдѣ вы нынѣ, нѣтъ бѣдствія и спраданія, которагобъ я не претерпѣла!

Пускай все тѣло мое на часни разорвущъ, и пламени предадущъ! мое сердце вамъ неизмѣнитъ, и духъ матерней къ вамъ не премѣнитъ останется.

Какимъ щасіемъ несчастныя чада испреблены вы опѣ убійць? Огнемъ ли вы испепелены? Водой ли поглощены?

Пищею-

Пищеюли спали вы псовъ и хищныхъ
пшицъ, или игралищемъ въпровъ и
волнъ? Или кровію вашею вы уполили
жажду люныхъ убійцъ?

Уполили, ахъ нѣтъ! еще въ сихъ
убійцахъ я вижу пылающую ярость.
Тогда Малекхъ сильнѣе на нее насту-
пѣтъ и вопіетъ: напрасно отрицаешь
намъ по открытѣ, чего тебѣ угаишь
не возможно; мягкосердая любовь, мни-
мая должносшь, безумная горячосшь
къ швоему порожденію, причину по-
му, что пы опъ меня по скрываетъ,
чего тебѣ таишь не должно.

Матерьяная любовь, чадъ швоихъ
содержишь подъ кровомъ; она дѣлаетъ
что пы смерти неспрашишь; но и
Иродъ любилъ чадъ своихъ, и спраши-
ся лишитися царствія. Тако съ угро-
зами вѣщаль онъ ей; но она подобна
швердоспію мужамъ, не ужасается ни
чего, и скрежеща зубами вопіетъ.

Туби меня, шерзай и пламенемъ и
мечемъ; я смерть свою опъ шебя какъ
драгоцѣннѣйшій даръ восприму; и ешь
ли я чего въ сей люный часъ могу
спрашишь; по знай, не смерти, но
жизни своя. Во время, когда сія дер-
зновенная жена наполненная яростію сіе
вѣщала,

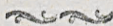
вѣщала, по первый младенецъ, сохраненный въ виноградномъ сосудѣ восплакалъ.

Услышавъ по Малекхъ, возвеселился и во мгновение ока опровергнувъ сосудъ на помостѣ; спалъ кашасть его; но древо его твердо, и обручи его желѣзны, удару сильному воспрошився, невредимы пребыли; разсвирѣпѣвъ бросаеъ онъ его во пламень, гдѣ вино, съ кровію смѣшенное кипя, чрезъ множество рассѣлинъ испекало.

Какъ волъ Агригентской разожженъ, изъ чрева мѣдянаго выпускаеъ заключеннаго въ немъ спенаіе и дѹшу; тако изъ горячей бочки выходитъ съ виномъ и кровію смѣшенный вопль младенца.

Мать видитъ сіе, и яростию распаляся, сдѣлалась подобна лютаѣшему пугру, у коего рукою ловца опѣемлюща его дѣщица, и копорый, на Гирканскихъ пескахъ прыгая съ грознымъ видомъ, рыканіемъ своимъ являетъ свою жалость, и воемъ страшнымъ наполняетъ высокіе Нифатскіе камни.

Нещасливая жена, видя своего младенца, снѣдаемаго пламенемъ, спремится, какъ молнія, къ другому сокрытому ея, и немедленно возвращается съ нимъ; кровь ея горитъ сильнѣйшимъ огнемъ любви и ярости, вопіетъ:

варвары! когда хотѣли сжещи сего младенца, въ мою бы грудь его положили.

Въ меня бы его вложили, какъ въ живую горящую печь, въ копорой пылаешъ пламень нѣжности и любви; но еспьли вы уже всего того, что я люблю, половину погубили, возьмите и другую; съ покойнымъ духомъ я его вамъ вручаю, и еспьли одинъ умеръ, то пускай и другой погибнешъ.

Тогда увидѣлъ я единого изъ насъ, еще кровію дымящійся свой мечъ обратившаго на младенца, и потчасъ во мгновеніе ока множесство мечей его перзаютъ. Симъ образомъ душа его, имѣя къ выходу множество опверсній, долго сомнѣвалась, въ копорья враша ей вышши, и колебалась между смертію и животоми.

Тогда коварная жена вопіешъ; пеперь я злобу свою, сколько можно было, насытила; пеперь я опмспила вдругъ и за отечество и за сына моего любезнаго! гнусные раби, кровожаждущаго ширанна, напѣйтеся въ сей часъ виновныя крови коварныя Албины, и опмспните за кровь Царя!

Вы сердце мое пронзили, но не долго возрадуешся о моей напаспи; потъ, копората вы въ сей часъ на моемъ домъ погубили, не сынъ мой, но мой

мой вскармленникъ , узнайте вы Ал-
бину , пишавшую млекоу Царскаго на-
слѣдника Александра ; се онъ , который
днесь шрепеща умираетъ , единородный
и возлюбленный сынъ Царя Ирода .

Лишь только то рекла , какъ началь-
никъ нашъ , чтобъ наказатъ ее , на нее у-
спремился ; но она , не вѣдаю ошколѣ , о чу-
деса ! слабая жена съ мужескою бодростію ,
безъ ужаса , въ единое мгновеніе ока из-
влекши кинжалъ , вонзаетъ въ свою грудь ;
я зрѣлъ ее собственною кровію обогрен-
ную , и мертвую ницъ упавшую ; я зрѣлъ ,
и едва тому могъ повѣрити .

Симъ незапнымъ и ужаснымъ случа-
емъ мы какъ громомъ были поражены .
Сія злая Фурія взята нами подѣ спражу ,
и твердо хранится ; одна смерть за такое
злодѣяннє естъ слабое наказаніе .

Еще не дослушавъ конца рѣчи , лю-
пытый пиранъ сдѣлался подобенъ пра-
вителью въ шрѣвѣ , который , когда разъ-
яренъ , открываетъ темныя пещеры ,
гдѣ шѣсиятся бури ; повелѣваетъ имъ
вылетѣти на сраженіе со стихіями , и
разрушати вселенную : тако онъ по черто-
гамъ ожесточенъ бѣгаетъ . Между шѣмъ
вступаешъ къ нему Царица Дорида .

Нещасная выходитъ изъ внутрен-
нихъ чертоговъ ; за нею идушъ во слѣдъ

полны женъ , всѣ съ сокрушеніемъ сердечнымъ и омоченныя слезами. Они кровавые остишки младенца несли на рукахъ: Царица горестно ялача и спеная вопила , куда сокрылся свѣшъ очей моихъ ? Гдѣ жизнь моя , мой сынъ возлюбленный ?

Какъ изобрѣташельница хлѣбопашества , несчастная Церера , похищеніемъ лишенная прекрасныя дщери , наполненная яростію , на высотахъ Эпины съ воспаленными свѣщами бѣгая , искала ее .

Подобна ей была Царица ; лишь только увидѣла сына всего израиеннаго , шо столько горестнь ея чувствами овладѣла , что языкъ ее оцепенѣлъ , и отъ нестерпимой скорби гласъ ея пресѣкъся ; валился изъ рукъ ея раздробленный трупъ младенца , котораго множество ранъ споглазому Аргусу уподобили .

О , какъ помрачилися ея прекрасныя , живому сапфиру подобныя , очи ! какъ помно она ихъ обращала ! въ какихъ слезахъ плавали ея прелестныя зѣницы ! о Боже ! колико она терзала своѣ нѣжную грудь ! колико вздоховъ къ небеснымъ округамъ възсыдала ! она рвала злапо своихъ власовъ , и терзала розы своихъ ланишъ , которыя сама любовь сосцавляла .

Сомкнувъ лице съ лицемъ сына своего , объявъ его и облебызавъ , бросаеш-

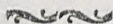

ся на него; о мерзвое подобіе мое! вопіешъ она, кто столь люто расперзалъ всѣ твои члены? За какое ужасное преступленіе небеса меня такъ свирѣпо карають? И такъ ли тебѣ, какъ любезному своему сыну, родитель твой скипетръ вручаетъ?

Любѣйшій всѣхъ звѣрей! ужасное чудовище! и тигры Тирканскіе любятъ чадъ своихъ; но тебя какое бѣшенство привело, какъ злобную Мегеру, умертвивши сына? Теперь твоя злоба довольно насыпилася; возрадуйся! да будетъ кровь его и мои слезы, о славный побѣдитель! твой профен.

Вещай змінное жало! звѣрская душа! скажи мнѣ сердце каменное! въ чемъ предъ тобою младенецъ сей погрѣшилъ? Возможно ли, чтобъ, въ столь краткое время вѣка своего, онъ могъ достигнуть до исполненія всея воли своея? Чибъ столь нѣжнаго младенца за предбудущія дѣла ты могъ столь жестоко карати!

Ты не человѣкъ! и не опъ человѣческой крови родился! Ты произведенъ Сиршою, или разъяреннымъ Телеспонтомъ! опъ крови злыя Химеры или лютаго Цербера! изъ утробы несышья Харибды или Сциалы изверженъ, и ты воспитанъ между драконами и алчными и хищными гарпіями.

А ты, о небо! видиши сіе злодѣяніе, и види шерпиши. Ты мершвѣ, любезный сынѣ; а я еще живу, и могу влачити жизнь, копорая мнѣ полько для тебя пріятна была. Нѣнѣ, дражайшій сынѣ! когда хладѣ смершнній тебя покрываетѣ, шо и мнѣ должно умереть!

Когда пошѣ, копорый далѣ тебеѣ жизнь, тебе ее лишилѣ, и сѣ нею опнялѣ у меня всю мою надежду, шо и мнѣ не воспрешишѣ послѣдовашѣ за тобою; да будетѣ тѣло мое сѣ швоимѣ вѣ единый гробѣ заключено; да пріиметѣ смерть все древо сѣ его цвѣшомѣ; да узритѣ хищникѣ моя радости, виновникѣ бѣдствія моего, двоихѣ единою смершю пораженныхѣхѣ.

Лучше было бы, любезный сынѣ! еспыльнбы вѣ пошѣ день, когда ты увидѣлѣ сѣшѣ, швои глаза вѣчною ношю закрылися; лучше было бы, когда бы я, какѣ вѣ первый разѣ услышала швой голосѣ, на мѣсто млека, тебеѣ смершнаго зміннаго яда подала.

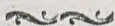
Но увы! я сама противѣ себя немилосерда была! о! безумная, какѣ я допустила инную тебе млекошѣ питаша? Но днесѣ я заглажу свое прешупленіе, и сколько своего млека на пишу тебеѣ жалѣла, столько опчаянною рукою тебеѣ я крови своея пролью.

Сими словами Царево жестокое сердце смягчилось; смутился духъ его, и очи звѣрскія проливали токи слезныя. Царица во мгновение ока вынимаетъ небольшой кинжалъ подъ ея одеждою сокровенный, и ударяя во грудь себя, мертва упадаетъ.

Чтобъ отъ самоубійства удержати руку, спремается къ ней ея жѣнышолпами, но поздно; самъ Иродъ прибѣгаетъ, изъ глазъ его лѣется слезный потокъ, но тщетно на помощь спѣшитъ; свирѣпъ, ожесточенъ и горестію стѣсненъ, млѣетъ и дрожитъ; хладѣетъ кровь его и горитъ; онъ ужаса и шокски недвижимъ, кажется блѣднымъ испуканомъ, есѣченнымъ изъ мрамора. Прежде было въ немъ каменное только сердце, а днесь онъ весь уже окаменѣлъ.

Что скажешь ты безчеловѣчный Царь, безумный мучитель? Воззри на брѣнность совѣтовъ чловѣческихъ; въ чемъ блаженство дней твоихъ хотѣлъ найсти, въ помѣ находишь свою гибель. Убившвомъ ты желалъ и сына и царство сохранить; но имъ теряши и сына и пресполь. Твой судъ жестокой на тебѣ самого гремитъ; ты за свое злодѣяніе самъ себя караеши.

Какъ изъ члена, пронзеннаго острымъ и стремительно пущеннымъ же-

лезомъ, кровь остановленная остриемъ, по-медля выступаетъ не много, и попомъ вдругъ багрянымъ ручьемъ спремишся; или какъ изъ ключа вода, прорвавъ жилу, бьетъ и на разные потоки разливается.

Тако пиранъ, котораго уста горестію смыкалися, почувствовавъ прямо свою напашь, пролилъ свою скорбь въ глубокія и спрашныя спенанія. Опчянная душа изъ збнищъ его очей лѣстъ кровь свою во потокахъ слезныхъ; онъ палъ на то мѣсто, гдѣ его супруга и сынъ, подобные мрамору бѣлизною, плавали въ кровавыхъ рѣкахъ.

Закройтеся, вопіеніе, плачущія очи! на то ли васъ небесный лучъ освѣщаетъ, чтобъ видѣти сіе ужасное зрѣлище? На то ли горесть не пресѣкаетъ дней моихъ, чтобы мнѣ проливати вѣчныя слезы? О сынъ, любезный сынъ! внемли мое спенаніе. О цвѣтъ моя души! который, еще не распустился, погибъ! Дорида, дражайшая Дорида! Ахъ! пы мнѣ не оивѣчаеши, почто скрываеши ошъ меня пы предесни швомъ прекрасныхъ очей.

Нещастный, увы! кого мнѣ оплакивать? Тебяль дражайшая супруга? Или тебя возлюбленный сынъ? Тебяль цвѣщую красоту? Тебя ли, которой по-

чши

чти при самомъ рожденіи вкусилъ смерть?
Плачь несчастнѣйшій, и тебя въ нихъ опла-
кивай! оплакивай свою бѣду въ погибели!
теперь, о супруга! теперь, о сынъ! кровь
ваша будетъ моею багряницею и діадимою.

Отъ какого жестокаго и неща-
стнаго отца, несчастный сынъ судьба
тебя произвела; Вотъ какой скипетръ
тебѣ мною уготованъ! какое плачевное по-
зорище! твой брачный одръ превъиился во
смертный, несчастнѣйшая супруга!

О безуміе! кто виненъ въ семь злодѣ-
яніи? Мое жестокосердіе, или моя судьба
все сіе совершила? Совѣтъ безчеловѣчный,
опѣявшій отъ меня весь мой смыслъ! отъ
чего разсудокъ мой помрачился? Что ослѣ-
пило мои очи, что я, дая пагубное повелѣніе,
и не помыслилъ предупредить сіе бѣд-
ствіе? Тремящій въ небесѣхъ, ты все сіе
совершилъ!

Нѣтъ, вы все сіе содѣлали, злоб-
ные дѣхи шаршара; но нѣтъ, ахъ нѣтъ,
я самъ во всемъ виною: я губилъ са-
маго себя; я сына умертвилъ; я ли-
шилъ себя украшенія моего престола,
и жизнь мою съ моею жизнію разду-
чилъ. Я сокрушилъ podporу моего цар-
ствія и пресѣкъ продолженіе моего рода.

О сынъ! несчастный младенецъ
несчастныя мащери! чѣмъ бѣдный отецъ

можетъ заплашиши за кровь твою пролишную? Или только кровію злобныхъ жёнъ тебя питавшихъ млекоу и въ тебѣ меня самаго, меня лишившихъ! о естлибы тебѣ я могъ всѣмъ царствіемъ своимъ и самимъ собою жертвовать.

Я не хочу Царемъ и не могу больше опцемъ именоваться! уже сіи названія мнѣ больше не приличны! я чудовище! адская Фурія, и еще спокрапно злобиѣ! когда тебя, любезный сынъ, я погубилъ, то я тебя недостоинъ! о! какъ я вамъ, поверженные мною младенцы, завидую! и мнѣ бы самому въ сей день должно было погибнути.

О ярость! естлибы я возмогъ всѣхъ побѣжденныхъ младенцевъ души вселиши пакы въ ихъ тѣла, чтобы ихъ еще губили и мучили; предавши ихъ на снѣденіе пламени и хищнымъ звѣрямъ, и естли они на небо преселены, то и изъ самихъ небесъ испоргнути ихъ на вѣки, тогда бы мое мученіе прекратилося, тогдабы по справедливости я могъ нести имя ширана.

Опдайте войны тотъ убивственный мечъ, которымъ мой сынъ пораженъ, дабы и отецъ его тѣмъ же оружіемъ погибъ; коль вѣкъ его прервался, пускай и мой вѣкъ пресѣчется.

Тако

Тако Иродъ стенахъ, орошая потоками слезъ убивственныя мѣста; а между пѣмъ легкія пѣни невинныхъ младенцевъ простирали свой полетъ къ небеснымъ округамъ.

Какъ въ рощахъ между пѣнистыхъ кустовъ, въ копорыхъ пріятная тишина обитаетъ въ прохладномъ вечернемъ воздухѣ, въ лѣтнее время, блестящія несѣкомыя трясся, толпяща; крылія ихъ усыпаны пылію, копорая какъ искры сверкаетъ.

Или какъ рачительный рой пчелъ, чрезъ благоуханныя долины Гиблы, во время весення года, лепитъ межъ лилій и розъ упоенныхъ свѣжею рососою, и опягощенъ сладкою добычею спѣшитъ соплетати изъ сладкихъ сотовъ и бѣлаго воска подобное сѣтямъ спроеіе.

Такъ, полны веселія, стремятся блаженныя дѣши младенцевъ, освобожденныя отъ узъ пѣлесныхъ; они казались прозрачными, окруженныя блистающимъ свѣтомъ и увѣчанныя горящими вѣнцами, держа другъ друга за руки, летали радостно, восклицая въ пресвѣтломъ воздухѣ, и составляя обширный кругъ.

Бури мрачныя, свирѣпые вихри и черныя пучи исчезли; свѣтлое небо открыло блистающія звѣзды; самъ сердитый бореі остановилъ свой быспрыі

спрый и бурливый полетъ , чтобъ слышаши пѣніе и радостныя воспорги невинныхъ ; пшцы замолкли , и Аврора изъ крови ихъ пролитыя на земли соспавляла яхонты и розы для украшенія груди своея и своихъ власовъ .

И сами пропасши подземныя , заключавшія пѣни древнихъ святыхъ , возрадовалися и освѣпилися блескомъ молнии врапа темнаго царства; тамо увѣчаный пѣвецъ , который въ юности исполнила Голиафа низложилъ , сей Пророкъ Господа гусли свои , скипетръ и пращъ положилъ на влажной муравѣ пшыхъ береговъ .

На темныхъ поляхъ въ густомъ мракѣ и въ мѣстахъ печальныхъ , гдѣ на неплодныхъ вѣтвяхъ сѣдющія пшцы никогда не воспѣваютьъ , собираетъ онъ цвѣты для украшенія своея главы ; видитъ сквозь мрачный воздухъ сіяющее воинство младенческихъ душъ ; тогда , подъявъ свои гусли , возглашаетъ сію похвальную пѣснь .

Блаженное явленіе ! о радостная вѣсть ! я вижу предвѣстниковъ времени обѣщаннаго къ нашему спасенію ; и се заря того пресвѣтлаго дня , который вѣпхій деньми намъ изкони предуготовалъ . Наше древнее уничиженіе исчезаетъ ; наше избавленіе опверзается ; солнце воспекаетъ и позлащаетъ пѣни , да поклонимся мы всѣ предъ сею свѣтлою зарею . Да

Да будешъ съ вами миръ и слава; вы къ вашему спасенію нашли путь; но что сіе? Ошколъ вамъ толикія раны? Кпо сей тиранъ, который васъ толико терзалъ? Чье бы сердце вашими слезами не умягчилось? Чья рука, чей мечъ на сіе дерзали?

О вы шумящіе бурные вихри! кпо васъ обуздалъ? О громъ! о молнія! кпо васъ удержалъ? Чпо вы за такое злодѣяніе не ошмсили, котораго самъ діаволъ и весь шаршаръ его спрашился?

О пы благословенное, непобѣдимое воинство! Страдальцы шоржествующіе, которые избраны за Бога умереть прежде, нежели онъ умеръ за васъ; плоды въ незрѣлости погибшіе, цвѣты насажденные въ райскомъ верхоградѣ, розы полныя благоуханія, на шерни болѣзней и мукъ пронзросшія, и на мѣсто росы собственной кровію окропленные!

Нѣжныя лиліи, прекрасныя ясины къ насаженію небснаго верхограда вознесенныя, и къ украшенію безкончнаго празднества служащіе; вѣсивія сильною рукою ошъ дровъ, липавшихъ васъ своимъ сокомъ, отлученныя! о камни! на коихъ церковь обрадованная свое основаніе положишъ!

О юности! которые на челѣ благословениомѣ начертанное имя Искупителя носите! незлобивые агнцы и чистые голуби! свѣшлыя жертвы, омышыя въ пошокѣ примиренія съ нами Создателя! о первенцы пожертвые Небесному Царю.

Грядите блаженныя дѹши, благословенныя младенцы къ намѣ, повѣсповатъ о ожидаемомѣ нами спасеніи! капли вѣшей крови, на которыя съ благоговѣніемѣ взираюмѣ: но что я говорю? не кровь то, но багряница и яхонты! не капли то, но звѣзды и адаманты, достойныя ко украшенію брачнаго Христова вѣнца!

Ваши язвы суть печати и знаменія запечатлѣвшія вашу славу, и знаменующія вашу побѣду! ваши уста любовію и пріятспвомѣ толико велерѣчивыя, кто бы опрекся васѣ слезами омыши? Кто бы не восхотѣлъ васѣ лобзаніями очистиши? И кто бы не возрадовался о васѣ, лишенные плоти Ангели!

На мѣсто сіянія звѣзднаго, небо украшается каплями пресвѣшлыя вѣшей крови! блѣдная луна вашими кровавыми пятнами желаетѣ украсити свое лице! въ чистыхѣ ручьяхѣ вѣшей крови и звѣзды и Ангели видятѣ себя! кажешся, что отѣ того и солнце пріемлетѣ багрянный видѣ. О

О дражайшія воздыханія! возлюблен-
ное стенаніе! о деспныя и пріяпныя слезы!
которыи сами небеса внимаютъ! о горестъ
блаженная, оиъ кося шолікая сладостъ
проливаается! о смерть пріяпная, съ кото-
рою никакая радостъ не можетъ сравняши-
ся, и которой во славѣ и достоиствѣ
сама жизнь уснуаетъ!

Какими радостями, честію и сла-
вою на превыспреннихъ Отецѣ Небесный
вамъ невинныя души воздасиъ! кто шамъ
больше васъ будетъ? Вы адова царя пре-
одолѣли, и силу его сокрушили! вы побѣ-
дители безоружные, безъ щіша и меча бы-
ли оруженосцы самаго Спасителя.

На округахъ небесныхъ, гдѣ воз-
звавшій васъ къ себѣ владѣетъ, за ва-
шу побѣду на земли въ награду вамъ дастъ
Ангеловъ въ сотоварищи дѣтскихъ игрѣ;
шамо бѣлое окржавленное знамя невинно-
сти побѣды ваша будетъ знакомъ.

О вы! мученіемъ блаженные лики,
которыя больше млека, нежели крови
пролили, конецъ и начало ваша жизни
былъ день единый и первый день спалъ
вашею послѣднею ношю; прежде не-
жели вы познаши могли, что есть го-
рестъ и смерть, вы горестъ и смерть
уже вкусили; вы еще не опдавшись мѣ-
рю при брегѣ пошонули, однако и при-
спанище нашли!

Мы,

Мы, [вы по можете сказать] мы, какъ безоружные побѣдители повержены на земли; но здѣсь на лонѣ Всемогущаго Творца спали побѣдители! мы можемъ твердо на звѣздахъ спойти; а на земли наши нѣги колебались; и прежде нежели порядочно могли увидѣти свѣтъ солнца, узрѣли лучи Всемогущаго Создателя.

Такъ онъ воспѣвалъ, и пѣніе его пресѣкло сіяніе младенцевъ проникшее сквозь мракъ. Древніе Іерархи приняли ихъ на свое лоно полны надеждою, что скоро будетъ конецъ ихъ заключенію; продолжительная ночь, въ которой они были, минетъ; они носили сіе легкое бремя по всѣмъ мрачнымъ подземнымъ пещерамъ, лобзая свящя и невинныя младенцевъ уста.

К О Н Е Ц Ъ

ЧЕТВЕРТЫЯ И ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНИ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

30301-0

